

АНАТОЛИЙ РОМОВ
•
КОЛЬЕ ШАРЛОТТЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Анатолий Ромов

Колье Шарлотты

«Центрполиграф»

1979

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ромов А. С.

Колье Шарлотты / А. С. Ромов — «Центрполиграф», 1979

ISBN 978-5-227-07492-8

Расследование убийства выводит сотрудников КГБ на след преступной группы, переплавляющей за границу ценные произведения ювелирного искусства. Поединок с опытными и хитрыми преступниками оказывается для чекистов серьезным испытанием.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07492-8

© Ромов А. С., 1979
© Центрполиграф, 1979

Содержание

Колье Шарлотты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анатолий Ромов

Колье Шарлотты

Колье Шарлотты

Повесть

Рано утром, как обычно, примерно в четверть девятого, я вышел из своей квартиры на Харью, недалеко от Ратушной площади, чтобы как раз в 9.30 успеть в управление. Я не спеша шел мимо Ратуши, мимо маленьких кафе, мимо огромной гостиницы «Виру», разглядывая давно уже ставшие привычными детали улиц, мостовых, тротуаров, домов – так, будто я, старый москвич, шел сейчас не по Таллину, а по одному из арбатских переулков. Стоял конец августа, и было солнечно, но, судя по довольно холодному сейчас воздуху, жара уже прошла и не вернется до следующего сезона. Но все равно, если в августе несколько дней подряд стоит солнце, это, по нашим меркам, идеальная погода.

Я люблю наш город. Наш – потому что прожил в нем пять лет. Для большинства Таллин известен как место, где можно хорошо провести время. Согласен. Больше того – я совсем не против массы приезжих. Гостиницы у нас всегда переполнены, а поездка в Таллин становится для москвича, ленинградца или киевлянина после возвращения домой приятным воспоминанием. Верно, здесь есть все, чтобы ты не скучал. Есть варьете, кафе, бары, гостиницы с сауной на каждом этаже. Некоторые гордятся именно этим, утверждая, что если не варьете и бары, то сауны здесь действительно лучшие в Союзе. А кафе? Что стоит хотя бы кафе в гостинице «Таллин», где подают кофе с орешками и даже летом топят камин сосновыми поленьями? Или «Мюндибар» в подвальчике на Ратушной площади, со стенами, обтянутыми шкурами, и тусклым мерцанием свечей?

Но мне нравится в Таллине не это. Тихие улочки, средневековые кирки. Ветер, который постоянно продувает западную окраину у военной гавани. Соборы на Вышгороде, залив с бесчисленными валунами. Яхт-клуб, около которого можно сидеть бесконечно, разглядывая уходящий вдаль, поросший соснами берег. Станный, какой-то особо чистый вид серых и желтых домов в старой части города, стены которых иногда кажутся продолжением брусчатых мостовых. Бульвар Суворова с большими липами, у каждой из которых свой характер. У горожан тут есть поговорка: люди в Таллине улыбаются реже, зато наши улыбки ценятся вдвое дороже.

Я шел и думал о том, что моя устойчивая привязанность к Таллину – а я как-никак коренной москвич – имеет свои причины. И винить в том или благодарить (это уж как угодно) я могу только Сергея Валентиновича Сторожева, попросту Валентиныча, или «шефа», или, если хотите, начальника нашего оперативного отдела. Шефа я знаю чуть больше пяти лет – с той самой истории с Васильченко, после которой Сторожев негласно разрешил мне называть себя просто по имени – Сергей. Я должен был оценить это – он стал майором. Правда, и я стал старшим лейтенантом. Но называть его Сергеем за эти пять лет я так и не научился. Разве я мог равнять себя с Валентинычем?

...Я многое теперь узнал о нем. Мудрый, невозмутимый, всезнающий Валентиныч. Это то, что на виду, то, что для всех. А в жизни его постоянно совершалась своя драма, о которой Сторожев молчал. Внешность. Несмотря на тренировки и закаливания, внешность Валентиныча осталась той же самой. Изменить свою внешность – курносый нос, небольшие серые глаза, пшенично-тусклые волосы – Валентиныч не мог. Спрашивается – зачем? Зачем Валентинычу было все это менять? Да затем, что он всегда хотел – и хочет сейчас – нравиться красивым женщинам. Не просто хорошеньким, а красавицам, женщинам царственной красоты. Сейчас,

конечно, только одной из них, а именно собственной жене, Хелли Сторожевой. Он до сих пор, как мне кажется, не может поверить, что его невзрачная внешность способна привлечь красивую женщину. Такую, скажем, как Хелли.

Хелли, или, сохраняя почтение, Хелли Августовна, всего на год старше меня. Хелли величественна, невозмутима, царственно хороша. Она всегда неповторимо-снисходительно улыбается. Стройная, легкая, изумительная Хелли. Сторожев постоянно хотел выглядеть в ее глазах героем. И в этом была драма. Он не верил ее чувству. Как мне кажется, он хотел доказать, что может нравиться всем красивым женщинам мира. Тысячу раз понимая это, я прощал Валентинычу его недостаток.

Можно считать, что такая внешность, как у Валентиныча, для работника оперативного отдела – подарок. Но, в конце концов, с любой другой внешностью у нас можно работать не хуже, если, конечно, ты не в закрытом режиме. В начале работы я учился описывать собственную внешность несколькими фразами, не раз составлял свой словесный портрет: «Мартынов. Рост выше среднего, сложение сухое, лицо овальное, волосы русые, глаза карие, расстановка нормальная. Скулы слабо выпуклы, уши прижаты, нос прямой. Ноздри расширены больше обычного, брови светлей волос. Татуировок нет. Особые приметы – родинка под правой лопаткой». Мои детали и особая примета тогда, в начале работы, не давали мне покоя. Я думал о них даже во сне. Но у кого этого не было? Было у меня, будет у каждого, кто сделает первые шаги на нашей работе. Особые приметы есть у всех. Деться от них куда-то невозможно. И я раз навсегда воспринял истину: главное не в твоей внешности, а в тебе самом.

Размышляя над всем этим, я пересек небольшую улочку за универмагом; здесь начинались кварталы высоких, типичных для Таллина начала века четырех- и пятиэтажных домов. В одном из них размещается наше управление. Честно говоря, сейчас, проходя по знакомым улицам, я готовился, как обычно, впрячься с утра в текучку, то есть заняться разбором множества мелких дел, которыми обычно бывает перегружен любой оперативный отдел приграничной и портовой зоны. Среди этих дел может оказаться все, что угодно: от споров по нарушению территориальной зоны до нарушения валютного режима. Или, как мы говорим: весь мусор наш. Рабочая номенклатура – сотрудники среднего звена. Такие как я или, скажем, Ант Пааво, с которым мы уже два года сидим вместе в нашей четырнадцатой комнате. Кстати, об Анте мне не раз еще придется говорить подробней. В общем, я сознавал: не всегда текучка вызывает восторг и энтузиазм. Именно об этом я подумал, входя в дверь управления, предъявляя пропуск дежурному и поднимаясь на второй этаж, туда, где размещалась приемная и кабинет Сторожева. Естественно, как только я заглянул в дверь и кивнул стучащей на машинке секретарше Гале, с другого бока тут же возник Ант. Привычная согласованность. Как всегда, у нас с утра дела к Сторожеву.

– Валентиныч у себя? – спросил я.

– Сергей Валентинович говорит с Москвой.

Мы с Антом переглянулись. Такой ответ мог означать только одно: Галя сегодня не в духе. Ант сделал почти умильное лицо, пытаясь смягчить обстановку:

– Галюша, когда дали Москву?

– Уже давно, Ант, милый. В семь пятнадцать.

Кажется, поговорить с шефом сейчас, утром, не удастся. Жаль, тогда бы я мог спокойно спланировать свой день. Хотя я мог бы обойтись и без советов шефа, от текучки все равно не уйти. Как будто подтверждая это, на Галином столе раздался звонок внутреннего телефона. Галя сняла трубку, долго слушала, поглядывая поочередно то на меня, то на Анта. Судя по ее реакциям, кажется, говорили снизу, из приемной управления.

– Хорошо, – наконец сказала Галя и на секунду закрыла трубку. – Ант, ты сейчас свободен? Ящик. Говорят, малоинтересный.

– Давай, что уж там, – нехотя кивнул Ант.

– Да, я поняла. – Это Галя сказала уже в телефон. – Проведите его в четырнадцатую.

Эти короткие реплики были привычны. Четырнадцатая комната – наша. «Явщик» – человек, явившийся с повинной. Малоинтересный – значит, явка с повинной по первым данным не связана с чем-то серьезным. Вернее всего, с повинной явился какой-то мелкий фарцовщик. Или начинающий спекулянт.

– Ант, его уже ведут к тебе. – Галя положила трубку. – Спешу.

– Все, ушел. – Ант кивнул нам с Галей и исчез в коридоре.

У меня, по моим подсчетам, было еще минут пятнадцать. Я с благодарностью подумал об Анте. Ведь он мог сейчас, сославшись на какие-то свои дела, свалить этого явщика на меня. Но Ант, умница ты моя, поступил благородно. Взял на себя эту совершенно нехоти появившуюся с утра заботу. Причем особых поводов для того, чтобы так сблизиться, у нас с Антоном как будто не было. Я – москвич, вырос в Москве, учился в московской школе и конечно же был совсем далек от того, что было с детства близко и понятно Анту. А именно – жизнь на маленьком эстонском хуторе, на побережье, где детей с малых лет приучают к работе на земле, к уходу за скотом, где мальчишка с восьми-девяти лет уже выходит с отцом в море на малых сейнерах за рыбой. Ант, правда, не пошел по стопам родителей, крепких хуторян, а решил стать юристом. Увлекался спортом, стал чемпионом Эстонии по стрельбе из пистолета. Еще первокурсником по воле случая отличился в народной дружине – участвовал в задержании особо опасного преступника, по окончании юрфака по рекомендации райкома комсомола Ант Пааво был направлен к нам в управление на оперативную работу.

Я знал, что, пока Ант допрашивает явщика, Валентиныч может вот-вот закончить разговор и я успею поговорить с ним. Но Галя, пожалев меня, сказала, продолжая печатать:

– Володя, лучше не жди. По-моему, это надолго. И потом, для тебя есть бумаги, так что займись.

– Что за бумаги?

– Помнишь, сводка «14-В»? В прошлую пятницу ее должны были передать?

Сводка «14-В». Кажется, что-то связанное с контрабандой. Да. Если точнее – расшифровка перехвата радиосеанса. Гриф «14-В» означает – оперативная для всех следственно-оперативных отделов. Да, это нам передавали в пятницу. Дешифровка радиосеанса, засеченного несколько дней назад службой радиоперехвата центра.

– Вот, посмотри. – Галя кивнула, и я взял с края ее стола папку. Раскрыл и тут же, в приемной, стал просматривать бумаги. Так. Все это я уже видел. «СРП зафиксировала радиосеанс связи... короткой цифровой шифровкой и подтверждения приема... Сообщение принято неизвестным радистом... в слабозащитной точке... В районе Таллин – Нымме, Таллин – Ранна...» Я перевернул первый лист. Сама дешифровка очень короткая: «Магнитный ко 36–37 шпан». Ниже, через строчку, трактовка шифровальщиков: «Ожидайте провоза (груза) в магнитном контейнере; контейнер (будет) расположен под днищем теплохода в районе 36—37-го шпангоута». Дешифровку перечеркивает пометка Сторожева красным карандашом: «Володя, м.б. «Норденшельд» или «Лисичанск»? Кажется, обычная контрабанда. «Норденшельд» и «Лисичанск» – два однотипных теплохода смешанной туристской пассажирской линии «Трансбалтик шип лайн». На линии стоят два рейсовых судна: «Лисичанск» – наш, «Норденшельд» – иностранный. Оба заходят в Таллин с интервалом в пятнадцать дней. Дают туристам возможность осмотреть город и после трехсуточной стоянки идут сначала в Ленинград с такой же стоянкой, затем снова к нам, а потом уходят в Европу и Америку с заходами в инпорты. Подумаем. «Норденшельд» ошвартовался в нашем порту позавчера. И уходит завтра. Или сегодня? Не помню. Значит, на нем привезли контрабанду? И Валентиныч решает «пустить» все это на меня? Ладно. Что бы там ни было, раз это указание Сторожева, надо работать.

– Галочка, спасибо. Я заберу это.

Утвердительный кивок:

– На здоровье.

Я прошел по коридору в нашу комнату. Ант сидел за своим столом и что-то быстро писал. Кажется, дописывал. Вот и ящик. Перед Антом на стуле сидел парень лет двадцати пяти, довольно модно одетый, с красивым лицом – несколько, пожалуй, парикмахерского типа. Как мне показалось, парень сейчас был изрядно подавлен происходящим. По виду этот ящик был типичным мелким фарцовщиком. Людей такого типа спекулянты-валютчики называют шестерками. Обычный их криминал – обмен мелких партий валюты, не более. Кончив запись – как я понял, это были последние фразы, – Ант поднял голову, тряхнул своим шикарным, цвета соломы волнистым начесом и сказал довольно скучным голосом:

– Значит, Горбачев, я правильно вас понял? Каждый доллар вы покупали у иностранцев за два рубля? А сбывали по пять?

– Да. – Горбачев покосился на меня. – Я... сбывал их по пять.

Ант кивнул, просмотрел еще раз запись допроса, поставил точку. Подумав, подписался. Потом на свой манер, совершенно особым образом кашлянул:

– Володя, подпишешь? За присутствующего?

– Ага. – Я подошел к его столу и взял лист протокола. Вгляделся. Все как обычно. «Протокол показаний... Горбачева В. В. ... заведующего складом горпродбазы № 18... явившегося с повинной в действиях, связанных... с нарушением валютного режима... также скупки и перепродажи инвалюты... в гор. Таллине. Я, Горбачев В. В. ... заявляю, что действительно... числа... месяца... в баре на втором этаже ресторана «Кунгла»... скупил у иностранца, назвавшегося... сумму инвалюты в размере 75 (семьдесят пять) долларов... Затем... числа... в баре... «балла»... у другого иностранца... назвавшегося... скупил суммы инвалюты в размере 150 (сто пятьдесят) западногерманских марок...» И так далее, в том же духе. Я дочитал показания Горбачева до конца и после подписи Анта, за словами «при допросе присутствовал», поставил свою. Пааво подтянул протокол. Бросил, кивнув в сторону Горбачева:

– Видишь, явился с повинной. Герой. – Перевернув протокол, Ант придвинул его теперь вплотную к Горбачеву. Положил ручку. – Ну что, Горбачев, читайте и ставьте подпись. Вот здесь. Да, правильно. Только прочтите сначала.

– А... меня... – Горбачев взял ручку. – Вы?..

Пааво усмехнулся. Горбачев, помедлив, не читая, размашисто поставил подпись.

– Все-таки не прочел. – Пааво, хмыкнув, взял протокол. – Не волнуйтесь, Горбачев, задерживать вас мы не будем.

– А-а-а?

– Вы же явились к нам сами? Ну вот. Вы что думаете – сразу, как только сюда пришли, вас засунут в каталажку? Можете идти. Мы вас вызовем.

– Но... ведь... – Горбачев был явно чем-то подавлен. Подумав, встал. – Большое спасибо. Спасибо.

– Не за что. Подождите. Дайте отмечу пропуск.

Горбачев, двинувшийся было к двери, вернулся. Полез в один карман, во второй, достал пропуск, протянул Анту. Ант поставил на обороте число, время, подписался и вернул.

– Печать поставите у секретаря. Вторая дверь направо. Все. До свидания.

– До свидания. – Горбачев, кивнув, вышел.

– Что у него? – усаживаясь за свой стол, поинтересовался я. – Что-нибудь путное?

– Ничего интересного. – Ант вложил протокол в папку. – Обычная шестерка. Мелкая фарцовка валютой – не более. Сообщил имена, адреса, вот видишь, даже сдал валюту. Восемьдесят долларов.

– А повод?

– Сдрейфил, испугался, что-то почудилось, вот и пришел. Хотя ты прав – надо будет поинтересоваться у ребят, может быть, он уже был на учете. Ну, что там у тебя? Ты от шефа?

– У меня? – Я разложил перед собой на столе взятые у Гали бумаги. – Знаешь, Ант, тут катят, кажется, на меня одно дело.

– Представляю. Валентиныч?

– Так что, может быть, собственную текучку я должен буду кому-то сдавать.

– Только, Володя, не нужно этих многообещающих пауз. Хорошо, я беру у тебя всю текучку, только не кати на меня это дело. Контрабанда?

– Провидец... – Мне, признаться, это пикирование уже надоело, и я собирался от Анта отстать, помешал звонок телефона. Внутренний.

Ант снял трубку. Все дальнейшее происходило, как мне показалось, мгновенно и в то же время так, будто было каким-то странным образом замедлено, расширено во времени.

– Пааво слушает. Так. Так. – Я увидел: лицо Анта резко изменилось. – Сколько? Примерно сто пятьдесят метров? Что? Вышел и упал? Опергруппа! Поняли? Только ничего не трогать! Вы поняли? Передайте, чтобы ничего не трогали! Все! – Ант бросил трубку, и я, выбегая вслед за ним из комнаты, увидел, как он автоматически ощупывает на бегу пистолет под пиджаком.

Мы выскочили на улицу. Дежурный, стоявший перед дверью, мог и не показывать – мы и так отлично видели в стороне небольшую группу людей. Они склонились над чем-то чуть поодаль, метрах в ста двадцати от входа в управление. Подбегая, я увидел, что это как раз перекресток двух ближайших, сравнительно тихих улиц. Люди расступились, уступая нам место.

Да, теперь я понял, что мы бежали не зря. На мостовой, прижавшись щекой к каменной брусчатке, лежал Горбачев. Пиджак его был распахнут, одна нога подогнута. Было тепло, солнечно; здесь был один из самых тихих уголков Таллина. И мне показалось – Горбачев лишь споткнулся, упал и вот-вот встанет. Но, поймав взгляд дублера дежурного по управлению, который сидел сейчас на корточках над телом, я понял: Горбачев мертв и больше уже никогда не встанет. Я пригнулся: все понятно с одного взгляда. Мне хорошо было видно небольшое пулевое отверстие над правым виском Горбачева. Под этим отверстием темнела засыхающая, но еще довольно свежая лужица крови. Все остальное я уже старался делать спокойно, четко, без эмоций.

– Быстро. – Эти мои слова дублеру дежурного я произнес почти автоматически. – Опергруппу на точки.

– Они уже там.

– Хорошо. Фотографа и врача сюда. И на всякий случай вызовите «скорую».

– Ясно, товарищ старший лейтенант. – Дублер кинулся к двери управления.

Ант успел посмотреть на меня и покачать головой. Мы присели над Горбачевым. Сидя так и разглядывая труп, я попробовал быстро прикинуть про себя все, что помнил о последних минутах явщика. Все, что могло быть, что где-то существовало, все, что каким-то образом могло влиять на это происшествие. Но ничего особенного вспомнить я не мог. На первый взгляд эта смерть была явно нелепой, хотя я давно уже знал, что нелепых происшествий не бывает. Ант, нахмурившись, разглядывал Горбачева; зачем-то потрогал мостовую около тела. Чуть скуластое лицо Анта сейчас явно было растеряно, хотя за Антом я никогда этого не замечал. Да, его можно понять. Явщика-то допрашивал он.

– В висок, – сказал Ант. – Черт возьми, в висок.

Я оглядел стоящих вокруг людей. Четыре женщины, трое мужчин. Конечно, они вряд ли помогут определить, откуда был произведен выстрел. Хотя бы даже с какой из сторон, с какой из четырех улиц. Мельком я подумал, что место для выстрела выбрано идеально. Ладно, будем рассчитывать на опергруппу. И все-таки определить, откуда точно был произведен выстрел, вряд ли удастся. Если бы, скажем, в момент выстрела работала кинокамера, фиксирующая,

как падал Горбачев. А так пустой номер. Подошли фотограф и врач. Я кивнул им – начинайте работу – и встал.

– Товарищи, – Ант оглядел стоящих вокруг людей, – прошу вас помочь нам. Вы все присутствовали при происшедшем? Товарищи! – повторил Ант. – Попрошу нам помочь.

Люди, окружившие место, где лежал сейчас Горбачев, как будто бы не хотели отвечать. Впрочем, так и должно быть.

– Я лично присутствовал, – отозвался первым довольно полный мужчина с портфелем и аккуратно перевязанной коробкой от торта.

– Очень прошу вас всех, товарищи. – Я сделал знак Анту.

Пааво достал блокнот, чтобы записать фамилии. Фотограф уже делал снимки.

– Кто первым заметил... этого гражданина? – Я кивнул на Горбачева.

– Я, – сказала одна из женщин. Ей было на вид лет сорок; типичная таллинская домохозяйка, одетая подчеркнуто по сезону и, как мне показалось, только что вышедшая из парикмахерской. – Я, знаете, шла и так вижу, этот парень. Идет. – Она замолчала.

– Далеко от вас?

– Да нет, совсем рядом. Я сначала даже не обратила внимания. Идет себе и идет. А потом... Потом вдруг, знаете, как-то зашатался. Я подумала – пьяный. И вдруг, гляжу, упал. А я себе иду, ну, думаю, пьяный, что мне... А потом, гляжу, кричат.

– Кто? – сказал Ант.

– Я. – Стоящая рядом женщина была помоложе; она все еще держалась двумя руками за виски. – Господи, как же это страшно... Прямо на улице... Прямо вот так, на улице... Он был от меня довольно далеко. И вдруг без всякого. Знаете, как будто на что-то наткнулся.

Краем глаза я видел, как Ант быстро записывает показания.

– Скажите, – Ант перевернул лист, – а откуда раздался выстрел, вы не слышали?

– Выстрел? Да нет. Я вообще ничего не слышала.

– Ну, какого-нибудь звука? – сказал я. – Хлопка, удара?

– Нет. – Женщина задумалась. – Нет, как будто ничего такого слышно не было.

– Может быть, кто-то другой что-то слышал? – Я повернулся к стоящим рядом. Никто не отвечал.

– Товарищи? – сказал Ант.

– Нет. – Мужчина с портфелем и тортом виновато улыбнулся. – Я ничего не слышал.

– Я тоже, – подтвердил сосед. – Все было тихо. Вот упал человек – это я видел.

Судя по всему, ждать каких-то еще дельных показаний от свидетелей было бесполезно.

– Хорошо, товарищи. Попрошу всех оставить свои адреса и телефоны, вы можете нам очень помочь.

Ант стал записывать адреса свидетелей. Я снова присел над Горбачевым. Я хорошо помню все, чему учил меня Валентиныч. Во-первых, никогда не следует давать себя обмануть кажущейся простоте. И особенно простоте, проявляющейся при осмотре места происшествия, любого, самого, на первый взгляд, обычного. Причем особенно важно со знанием дела, толково и не торопясь осмотреть место происшествия в первые минуты, желательно в первые секунды после случившегося, чтобы увидеть, поймать, найти то, что потом неминуемо исчезнет, ускользнет бесследно, так, что никакие фотографии со всех точек, никакие подробные протоколы и описи не помогут. Но сейчас, сколько я ни вглядывался в безжизненно лежащее на брусчатке тело Горбачева, в его темно-синий щегольской пиджак и бежевые брюки, даже в синевато-серые камни мостовой, я не мог заметить ничего особенного. Хорошо. Надо хоть элементарно осмотреть труп. Я отогнул борта пиджака. Осмотрел внутренние карманы – сначала один, потом второй. В одном из карманов была авторучка, кажется, что-то очень модное, тип «шариковый паркер», и паспорт. В другом – портмоне, на первый взгляд натуральной кожи, и записная книжка. Я поочередно достал все это. Развернул паспорт. Все в порядке. Фамилия –

Горбачев, имя – Виктор, отчество – Владимирович, прописка таллинская. Открыл портмоне – там лежали деньги. Четыре десятки, две бумажки по рублю и мелочь. Развернул книжку. Видно было, что этой записной книжкой Горбачев пользовался довольно давно. Большинство ее листов было тесно исписано. Я перелистал книжку. Номера, адреса, телефоны; некоторые записаны карандашом, некоторые ручкой; большинство телефонов и адресов таллинские, но есть и иногородние. Хорошо, книжкой этой все равно придется потом заниматься, и основательно. Раздался скрип тормозов – это остановилась машина скорой помощи. Я оглянулся. Ант стоял рядом и показывал мне: не давай пока уносить труп. Получалось, что все действия по первому осмотру теперь уже окончательно беру на себя. Я поднял руку, останавливая вышедших из «скорой» санитаров.

– Свидетелей отпускать? – спросил Ант.

– Да, конечно. Спасибо, товарищи. – Я повернулся к нему: – Ты что хотел? – Но я уже понял, чего хочет Ант. Пока еще не убрано тело, попробовать по его положению определить направление, откуда был произведен выстрел.

– Понимаешь, пока еще не унесли труп, может быть, определим хотя бы сторону...

Мы с Антом постарались как можно точнее приглядеться к положению тела Горбачева. Я знал, что Ант прекрасный стрелок, да и сам я как будто бы стреляю неплохо. Поэтому сейчас мы оба, не сговариваясь, оглянулись. От перекрестка в четыре стороны расходились две улицы: одна довольно широкая, Локк; ее пересекала гораздо более узкая Роозипуу. Судя по тому, что не было слышно выстрела (явный глушитель), а также по тому, как выбрано место убийства – попробуй-ка кинься во все четыре стороны, – и, естественно, по точности попадания было ясно: стрелял ас. Знаток своего дела. Хорошо, прикинем все четыре стороны. Сторона улицы Локк, ведущая к нашему управлению, верней всего, отпадала. Если не считать ее (а учитывать ее все-таки нужно), оставались три стороны: первый отрезок Роозипуу, довольно пустынный; вторая часть этой же улицы, более оживленная, на ней было два магазина – «Молоко» и «Галантерея»; и также довольно оживленная вторая часть улицы Локк. Вернее всего, стрелять могли с этих двух сторон – оживленных Роозипуу или Локк. Они сходились углом; судя по тому, как лежал Горбачев, стреляли откуда-то отсюда. Но откуда именно – с Локк или с Роозипуу? Ант смотрел сейчас в сторону Локк, и я понял, что именно его интересует. Большой девятиэтажный дом метрах в двухстах от перекрестка; весь первый этаж этого дома занимал магазин «Гастроном». Я хорошо знал этот дом; в нем было четыре подъезда, и все они выходили на улицу.

– Может быть, оттуда? – предположил Ант.

– Может быть. А может быть, и оттуда. – Я посмотрел в сторону оживленной части Роозипуу. Меня лично заинтересовал старый шестиэтажный дом. В нем, правда, было всего два подъезда; но я знал, что во всех домах этого типа в каждом подъезде обычно есть два действующих выхода – в парадное, на улицу и черный ход во двор. Внизу, на первом этаже этого дома, была мастерская «Металлремонт».

Подшли участники опергруппы. Доклады каждого из них были коротки: пока ничего обнаружить не удалось. Девятиэтажный дом на Локк и шестиэтажный на Роозипуу были осмотрены членами опергруппы с особой тщательностью. По крайней мере, на лестницах, чердаках, лестничных площадках и у окон этих домов обнаружить пока никаких следов стрелявшего не удалось. Номера на дверях всех квартир, из которых мог быть произведен выстрел, переписаны, фамилии жильцов проверяются. Все квартиры взяты под наблюдение. Осмотр еще нескольких возможных объектов ведется оставшимися там участниками опергруппы.

Пока я выслушивал доклады, санитары стояли рядом и смотрели на меня. Я посмотрел на Анта. Он пожал плечами, махнул рукой.

– Убирать? – спросил санитар.

Я промолчал. Санитары поставили носилки на мостовую, стали перекладывать на них тело.

– Ты его обыскал? – спросил Ант.

– Только внутренние карманы.

– Подождите. – Прежде чем санитары унесли Горбачева, Ант тщательно выполнил не очень приятную, но необходимую процедуру: еще раз обыскал карманы брюк и пиджака. Но кроме того, что ожидалось – носового платка и двух ключей на брелоке, – там больше ничего не нашлось.

Естественно, мы должны были тут же сообщить обо всем происшедшем Сторожеву. Наверняка, впрочем, Валентиныч уже знал обо всем, что случилось на перекрестке в ста с небольшим метрах от входа в управление. Звонок дежурного в нашу комнату был только потому, что Горбачев вышел от Пааво. Сразу же после звонка к нам дежурный обязан был поставить в известность о случившемся начальника отдела. Поэтому, дав указание начальнику оперативной группы младшему лейтенанту Лёне Ковальчуку составить подробный и тщательный отчет, я посмотрел на Пааво. Ант, естественно, понял, что значит этот мой взгляд, и мы двинулись в управление.

Когда мы вошли в кабинет, Сторожев сидел за столом. По своей привычке – а вовсе не потому, что его, скажем, что-то волновало, – он постукивал по накрывавшему стол стеклу кончиком карандаша. Кивнул: садитесь. Выслушал подробный доклад – сначала Пааво. Ант отлично знал характер шефа, поэтому сейчас подробно и даже несколько нудно стал рассказывать все от начала до конца. Сначала о том, как Галя передала ему явщика, потом о том, как этот ящик выглядел в первые минуты и как сначала реагировал на первые вопросы; затем – как стал реагировать уже в ходе допроса. Сторожев выслушал доклад Анта, задал несколько обычных вопросов и повернулся ко мне. Я стал рассказывать все остальное. Я старался говорить без особых эмоций, подробно перечисляя все, что произошло, включая звонок снизу, то, как мы бежали к перекрестку, каким мне показалось положение тела, как шел опрос свидетелей, свои впечатления об этих свидетелях; потом о наших попытках определить сторону, откуда был произведен выстрел, и, наконец, впечатления от опроса участников опергруппы. Пааво положил на стол папку с протоколом допроса и сданные явщиком восемьдесят долларов, я – все, что нашлось в карманах Горбачева: паспорт, записную книжку, портмоне с деньгами, авторучку, брелок с ключами и носовой платок.

Выслушав нас, Сторожев бегло просмотрел протокол, паспорт. Полистал записную книжку. Как будто бы нашел что-то, взгляделся. Нет, отложил. Вдохнул.

– Вот что, Володя. Ты... ознакомился с бумагами, которые я тебе оставил утром?

С бумагами, которые шеф оставил мне утром. Сводка «14-В». Возможный провоз магнитного контейнера. «Норденшельд». Конечно, я с этими бумагами ознакомился. Судя по всему, этот вопрос означает – я все-таки должен буду заняться предполагаемой контрабандой.

– Сергей Валентинович, конечно. Я знал об этой сводке и раньше. Но сейчас еще раз, про себя, проработал.

– Очень хорошо. В таком случае у меня к тебе такая просьба – прорабатывай дальше. Так, чтобы к утру... да, к утру ты как можно больше знал о «Трансбалтик шип лайн», «Норденшельде» и всем, что с ними связано.

– Понял, Сергей Валентинович.

– И ты, Ант, тоже полистай, посмотри. Ну там, какие на этой линии рейсы, заходы. Как суда встают к стенке, каким бортом и на какой причал. Ясно?

– Ясно, Сергей Валентинович. А как же наш законный, Горбачев?

– Ваш законный Горбачев свалился, знаете, как куль на голову. – Сторожев снова, но теперь уже с досадой, полистал записную книжку. – Упустили?

Мы с Антом решили промолчать.

– Упустили. И не нужно этих взглядов и обиженного вида.

– Сергей Валентинович, – начал Ант, – но ведь он... Он же ничего, ни с какого бока.

– Ни с какого бока. В любом случае вы должны были что-то увидеть. А если не увидеть, на худой конец хотя бы прочувствовать. Ладно. Допускаю, что оба вы здесь... ну, будем считать, как бы ни при чем. Вы понимаете – как бы. Все это. – Сторожев, будто решив составить какую-то сложную конструкцию, положил на папку с протоколом паспорт и записную книжку. Подумав, добавил туда же портмоне, авторучку, брелок с ключами и носовой платок. – Все это я пока оставляю себе. Вас же прошу заняться тем, о чем я уже говорил. И завтра утром, в девять, быть у меня. Вы все поняли?

– Так точно, Сергей Валентинович. – Не сговариваясь, мы встали и пошли к себе в четырнадцатую.

На следующий день ровно в девять утра мы с Антом вошли в кабинет Сторожева. Я наверняка знал, что предыдущие сутки не только для меня, но и для Анта не прошли даром. Впрочем, не знаю уж, как Ант, но я, хотя мне и казалось, что все это мной давно изучено, тщательно проработал все, что касалось или могло касаться «Трансбалтик шип лайн», «Лисичанска» и особенно «Норденшельда». Работа была скучной и необходимой, но увы, еще и еще скучней она показалась мне оттого, что, собственно, и изучать-то тут было вроде нечего. Еще раз переписать фамилии капитанов, старпомов и остальных помощников. Снова просмотреть типовую схему «Норденшельда». Еще раз подчеркнуть, что в районе тридцать шестого – тридцать седьмого шпангоутов на уровне ватерлинии расположена бельевая. Отметить, что ее иллюминатор при стандартном положении на стоянке обращен в сторону «от причала» и находится примерно в пятидесяти – шестидесяти сантиметрах над водой. Так что если, допустим, магнитный контейнер на днище будет снабжен магнитными ножками со взрывным срезающим устройством и дистанционным управлением среза, то всплывет этот контейнер после отделения от днища как раз около иллюминатора этой бельевой. А значит, доставать такой всплывший контейнер – скажем, каким-нибудь нехитрым устройством вроде багра – удобней всего будет именно из этого помещения.

Проникнуть же в такую бельевую во время стоянки для любого пассажира «Норденшельда» будет довольно просто. Тщательно изучил я и все остальное – естественно, в той мере, в какой мог изучить. Пассажиров-круизников на судах типа «Норденшельда» обычно бывает от ста пятидесяти до двухсот. Состав, как правило, – люди выше среднего достатка. Бизнесмены, технические специалисты, работники прессы. Большинство, как принято в таких случаях, идут в круиз с женами и детьми.

Прикидывая про себя все это, я следил, как Сторожев не торопясь раскладывает на столе атрибуты вчерашнего происшествия: паспорт Горбачева, записную книжку, портмоне. Но теперь ко всему этому добавилось нечто новое, и это новое – по крайней мере, по тому, что я знал, – не имело к Горбачеву никакого отношения. Во-первых, несколько столлларовых банкнотов, как мне показалось, совершенно новых, будто только что отпечатанных. Горбачев вчера тоже сдавал доллары, но их было всего восемьдесят и – я хорошо помнил – в десятидолларовых купюрах. Но главное, на краю стола Сторожева лежал сейчас небольшой плоский металлический бачок. Бачок был прямоугольным, примерно сорок на семьдесят сантиметров. Кажется, это и есть магнитный контейнер. Кроме того, тут же, рядом, лежали заполненные бланки баллистической и медицинской экспертиз и большая пачка фотографий, изображающих мертвого Горбачева.

– Ну, что. – Сторожев взял записную книжку и паспорт. – Подключил я вчера к этому делу изрядное количество людей. Изрядное. И все без толку. Просто без толку, ребята, и насчет вашей вины беру все свои слова назад. – Шеф раскрыл и снова закрыл паспорт. – Горбачев Виктор Владимирович. Зав продуктовым складом восемнадцатой продбазы. Продбаза эта занимается снабжением школ, техникумов и вузов. Ни в чем особенном, кроме мелкой спекуля-

ции, этот Горбачев не был замечен. И то умозрительно. Умозрительно, понимаете? Без всяких доказательств. Ну, вполне могло быть, что он, как говорят, фарцевал. Баловался валютой. Но доказательств об этом ни у кого не было, весь криминал на себя он фактически выложил сам, вот в этом допросе. – Сторожев потрогал папку. – Тебе, Ант. Что же его побудило это сделать? А? Вы оба не можете мне объяснить? Ант? Володя?

– Сергей Валентиныч, я сделал все, что мог. – Ант пожал плечами. – Вы спросите что-нибудь полегче. Ну... в таких случаях обычная причина – трусость.

– Трусость?

– А что, разве так не бывает? – Ант прищурился. – Бухнуло в голову? Просто испугался человек? Можно допустить – почудилось, что следят. Как говорят фарцовщики, секут. Ну и во избежание, так сказать, он из двух зол выбрал меньшее.

– Все это верно. Но ощущение. Понимаешь, Ант, ощущение! Сам-то он что говорил? То же, что в протоколе?

– Да. Надоело. Устал.

– Устал. А ведь, судя по собранным сведениям, этот Горбачев жил припеваючи. Был завсегдатаем лучших ресторанов города. Не ощущал никакого недостатка в деньгах.

– Но ведь так же и должно быть, Сергей Валентиныч, – в сердцах сказал Пааво.

– Может быть, может быть. Но, кроме того, были тщательно опрошены все его родственники. У Горбачева здесь, в Таллине, живут мать, отец и старший брат. Потом опросили друзей, приятелей, просто знакомых. Их у Горбачева, кстати, набралось довольно много. Конечно, мы понимаем: личная жизнь человека часто бывает за семью печатями. Но все-таки, если никто, абсолютно никто при первых опросах не мог сказать, что Горбачев был чем-то озабочен, обеспокоен и так далее, это о чем-то говорит. Он как будто бы был абсолютно доволен жизнью.

– Ну, это еще не повод, – заметил Ант. – Опросы, сами знаете, Сергей Валентиныч, вещь ненадежная.

– Поэтому мне так и важно... ощущение. Ощущение, Ант.

– Ощущение одно, Сергей Валентиныч. Испуг.

– А у тебя, Володя?

Я подумал. Пожалуй, Ант прав.

– То же самое. Мне показалось – просто испугался парень.

– Испугался... Испугался. А чего?

– Наказания, естественно.

– А может быть, не наказания? – Сторожев помедлил. – Ладно, хорошо. – Он протянул нам бумажки с заключениями и фотографии. – Вот, посмотрите, баллистическая и трасологическая экспертизы, медицинское заключение, результаты вскрытия... ну и фото. Хотя вы сами все видели.

Мы с Антоном старательно просмотрели заключения и фото. Ничего нового для нас в них не было. И все-таки мне сейчас хотелось хоть что-то выцарапать из этих заключений. Я вгляделся. «Бригада патологоанатомов... в составе... установила... Пробита правая височная кость... с одновременным поражением... Смерть... наступила мгновенно».

– Судя по всему, стрелял специалист. – Сторожев взял одну из фотографий. – Как в десятку. Специалист, который умело использовал обстановку, подготовившись к стрельбе заранее и применив глушитель и оптический прицел. Дополнительные данные в пользу этого заключения: ни в одном из домов, откуда мог быть произведен выстрел, не обнаружено никаких следов стрелявшего. Не найдено ни одного свидетеля, который мог бы хоть что-то сообщить. Скажем хотя бы, кто видел что-то подозрительное. Или кого-то. Будто не человек стрелял, а тень. Выстрелила эта тень бесшумно – и нет ничего.

– Сергей Валентинович, это, кстати, вполне возможно, – сказал Ант. – Просто для такого выстрела надо было знать, что Горбачев придет к нам с утра. У того, кто стрелял, наверняка

была облюбованная заранее точка. Бесшумно выстрелить, насадив глушитель, и попасть с первого выстрела в висок для классного стрелка, да еще с оптическим прицелом, – задача нетрудная. А скрыться... Скрыться в такой ситуации, пока разберутся, что к чему, еще проще. Спрятал оружие, скажем, в портфель или в сумку, вышел на улицу. И привет.

– Хорошо излагаешь. Не спорю. Но спрашивается: зачем было такому человеку убивать, в общем, мелкого спекулянта, шестерку? Володя, вопрос и к тебе.

– Ну, думаю... – Честно говоря, я и сам сейчас не понимал зачем. Помедлив, решил отделаться общей фразой: – Думаю, кому-то он мог очень помешать, этот Горбачев.

– Понимаешь. Все правильно, правильно. Только вот кому и чем? – Сторожев взял записную книжку. – Может быть, что-то есть в этой книжке?

– Наверняка, – сказал Ант. Ясно было, что шеф уже давал эту книжку «на обработку».

– Я показывал эту книжку в НТО.

– Кому интересно? – спросил Ант.

– Уфимцеву. Знаете такого?

– О, – Ант покачал головой, – Эдик Уфимцев – это марка. Возможно ли вообще в этом мире не знать Уфимцева.

– Ну, ну, – сказал Сторожев. – Рад, что цените. Эдик Уфимцев, или, если уж по всем правилам, Эдуард Андреевич Уфимцев, номинально занимал в нашем управлении должность заместителя начальника научно-технического отдела. Кроме того, он возглавлял лабораторию по валюте и ценностям. Но, если говорить честно, для меня, да и для всех, Эдик Уфимцев был чем-то гораздо большим. Хоть он и кончил исторический факультет, но, скажем, все, что касалось алмазов и бриллиантов, знал на уровне хорошего ученого-петрографа. Фанатик? Нет, пожалуй, не то слово. Эдик был в какой-то степени энциклопедией, человеком, который знает все или почти все о мире фарцовщиков, спекулянтов валютой и драгоценными камнями, где бы они ни жили – в Москве, Ленинграде, Таллине или, допустим, каком-то еще городе. Скажем так, Эдик был в какой-то степени человеком увлеченным. Если тебе нужно было срочно узнать хоть что-то о законах, обычаях, порядке совершения сделок или еще о чем-то, что происходит в мире, как он выражался, «крупной фарцы», Эдик мог в любой момент, поймав тебя за пуговицу, подробно и точно, не заглядывая ни в какие справочники, изложить тебе все, что требовалось.

Если Сторожев отдавал записную книжку Горбачева на исследование Уфимцеву – значит, шеф считает, что убийство явщика каким-то образом может быть связано со сводкой «14-В» и, вернее всего, какой-то контрабандой.

– И что Уфимцев, Сергей Валентинович? Если не секрет?

– Об этом ты, Володя, вместе с Антом спросишь у него сам. Через полчаса.

– Что, он теперь будет работать на нас? – поинтересовался Пааво.

– Ну... в какой-то степени. Собственно, вся эта история с Горбачевым – дополнение.

Ант незаметно составил вместе два больших пальца. Я отлично понял, что значит этот его жест. Если история с Горбачевым – дополнение, то что же тогда основное?

– Знаете такой теплоход – «Норденшельд»?

Мы с Антом промолчали. Каждый из нас, кажется, не хотел первым отвечать на этот вопрос. Знали ли мы «Норденшельд»? Кажется, мы теперь знали все о «Норденшельде».

– Так знаете или нет? Ант покосился на меня.

– Да, Сергей Валентинович, – сказал я. – «Норденшельд» – круизный теплоход компании «Трансбалтик шип лайн». Заходы в Таллин, Ленинград, снова в Таллин и дальше в Европу и Америку. С интервалами в полтора месяца. Стоянка у нас три дня.

– Все верно. Так вот, две недели тому назад наша служба радиоперехвата засекла шифровку. Если вы помните. Шифровка... довольно милая. Она предупреждала кого-то здесь, что в ближайший заход на «Норденшельде» прибудет контейнер. Нелегально, конечно. Магнитный

контейнер, который будет закреплен на днище в районе примерно тридцать шестого – тридцать седьмого шпангоутов. Помнишь эту шифровку, Володя?

– Отлично помню, – сказал я. – Сводка «14-В», я хорошо помню в ней каждое слово.

– Все это подтвердилось. Мы обнаружили контейнер. Было это десять дней назад. Снимали ночью, перед швартовкой. Работали лучшие аквалангисты, обработали без шума, сфотографировали и тут же поставили на место. В контейнере оказалась крупная сумма иностранной валюты. Естественно, за «Норденшельдом» установили наблюдение. Засаду по всем правилам. Но, хотя все было организовано чисто, никто за контейнером не явился. Ни в первый раз, у нас, ни в Ленинграде, ни во второй раз у нас. «Норденшельд» сегодня ушел из Таллина в дальнейший круиз. А контейнер так и остался без хозяина. Бери полмиллиона – не хочу.

– Контейнер, естественно, сняли? – спросил Пааво.

– Да, конечно. Вся сумма оприходована и пока, до сдачи в Госбанк, хранится в портовой таможне. А сам контейнер – вот он. Можете полюбоваться.

Я подтянул к себе контейнер. Да. Найти такую маленькую заплатку на необъятном днище океанского лайнера – даже для опытного аквалангиста задача почти непосильная. С одной стороны контейнера – четыре небольших выступа-ножки.

– Кажется, с дистанционным управлением, Сергей Валентинович? – спросил я.

– Да. Вот приемное устройство. Четыре магнитных держателя с капсулами. При подаче импульса магниты срезаются ударной волной направленного действия. Взрыв тихий. Под водой практически бесшумный. Да и не взрыв, мини-взрыв, заряд-то крохотный. Стоит, сидя в каюте, подать импульс – и контейнер всплывает рядом с бортом, в районе тридцать седьмого шпангоута.

– Чисто, – заметил Ант.

– Но он не всплыл. Да и вообще даже попыток явиться за этим контейнером не было. Хотя засада, как я уже говорил, была организована по всем правилам.

– Ну, почему за контейнером никто не пришел, можно объяснить, – сказал Ант. – У хозяина вполне могла быть какая-то система предупреждения. Которая давала сигнал, как только контейнер не просто даже снимали, а сдвигали с места.

– Может быть. Так вот, все это дело придется разбирать вам. Тебе, Володя. Ты назначешься старшим. И тебе, Ант.

– Извините, Сергей Валентинович, не пойму, – сказал Ант после молчания. – Мы что, чем-нибудь перед вами провинились? За что вы решили повесить на нас контрабанду? Ведь этим обычно занимаются даже не младшие следователи – таможня.

– Ант, милый ты мой, я бы ничего этого на вас не вешал. Слишком крупная сумма инвалюты.

– Сколько?

– Пятьсот тысяч долларов.

Честно говоря, я сначала даже не поверил своим ушам. Здесь, в приграничном районе, мы слышали и видели всякое. Попытки провоза крупных сумм бывали не так уж редки. Но обычно такая контрабанда не превышала пяти тысяч долларов. Если провоз превышал пятьдесят тысяч – это считалось уже ЧП, которым должны были заниматься следователи по особо важным делам. Может быть, даже из центра. Сто тысяч – о таком мне не приходилось слышать. Но пятьсот тысяч? Теперь все ясно, почему так долго длился вчерашний утренний разговор с Москвой. И еще одно ясно – Москва это дело отдает нам.

– Да, дела, – только и сказал Ант.

– Посмотрите, вот образцы банкнотов.

Мы с Антом стали изучать банкноты. Они были, как я уже заметил, совершенно новыми и, на мой взгляд, хотя я и не считал себя специалистом, на фальсификат не походили.

– Д-да. – Ант положил банкноты на стол. – Такой суммы не истратить даже за год. И не только в Таллине.

– А тот, кто привез их, – Сторожев подравнял бумажки, – думаю, рассчитывал истратить эти деньги за три дня. Ну что, поиграем?

Мы с Антом переглянулись.

– Поиграем, – сказал я. Надо было ждать – пусть шеф начинает первым.

– Значит, кому-то очень нужно было иметь здесь, у нас полмиллиона долларов.

– А кого-то предупредили по рации, что эти полмиллиона придут, – добавил, разглядывая что-то в окне, Ант.

– Эту версию пока оставим.

– У нас – это в Таллине, Сергей Валентинович? – сказал я. – А может быть, вообще в Союзе?

Сторожев аккуратно спрятал банкноты в стол.

– Туристы с «Норденшельда» проводят на берегу в Таллине трое суток. Значит, за это время хозяин, если предположить, что он решил потратить полмиллиона не в Таллине, а где-то еще, должен был успеть перетранспортировать свое богатство куда-то. Куда? В Москву? В Баку? Во Владивосток? Разумно ли это? Ты можешь мне сказать?

– Согласен, Сергей Валентинович. Неразумно.

– Значит, потратить деньги он хотел здесь.

– Может быть, она, Сергей Валентинович? – Это была шпилька со стороны Анта. Но Валентиныч не обратил на нее внимания.

– Может быть, она. И быстро. Но на что можно потратить такие бешеные деньги? И так быстро?

– Темнота. Полная темнота, Сергей Валентинович.

– Если ты говоришь «темнота», что это значит?

– Может быть, для быстрой и незаметной передачи?

– Значит, ты считаешь – это может быть чем-то вроде политической акции? Передача валюты возможному резиденту?

– Да, – помедлив, сказал я.

– Тогда какова цель этой передачи? Кстати, у меня об этом будет отдельный разговор. Оплата?

– Как версия допустимо.

– А не как версия?

– Резидентам платят обычно там, а не здесь, – сказал Ант. – Как правило.

Валентиныч прав. И Ант тоже. Везти полмиллиона наличными для оплаты агента? Вряд ли опытная разведка пойдет на это. В случае провала все это может вылиться в крупную скандальную акцию. Да и потом, зачем везти деньги сюда? Несерьезно.

– Может быть, просто распространение валюты?

– Сомнительно. Полмиллиона наличными коту под хвост?

– Вы считаете, что быстрая передача... нереальна? – сказал Ант.

– Вполне реальна. Но разве такая быстрая передача не может быть тратой?

Я подумал: если Валентиныч говорит так, он допускает – провоз полумиллиона не связан с политической акцией или шпионажем, а только с контрабандой, с нарушением валютного режима.

– Вы считаете, это «камни»? («Камнями» обычно называют алмазы или бриллианты.)

– Володя, я пока ничего не считаю. Может быть, «розы» (бриллианты). Но все-таки не будем отрываться от реальности даже во время игры.

– Не будем, Сергей Валентинович, – сказал Ант. Я его отлично понимал. Судя по всем признакам, дело было серьезным, может быть, даже дохлым, то есть, на нашем языке, заранее

обреченным на неуспех. Поэтому сейчас Ант хотел выжать все из Валентиныча. И главным образом его оценку. – Не будем. Но давайте выясним: что здесь ближе? Я ведь хочу понять только одно: кто вез контейнер? Частник или государство? Тогда и психология хозяина будет нам ясней.

– Хорошо. Я ведь не спорю.

– Давайте пока считать для себя что-то одно. Значит, вы считаете – это частник?

Сторожев долго не отвечал. Наконец сказал:

– Ну, будем считать, что считаю.

Это было главным, Валентиныч ведь не будет зря бросаться словами.

– Тогда, Сергей Валентинович?

– Тогда... – И по этому первому слову шефа я понял, что у Сторожева тоже пока все в тумане. – Тогда возникает обычная, много раз отработанная на таможне ситуация. Кто-то решил нарушить валютный режим и тайком провез определенное количество валюты. Зачем? Чтобы обменять валюту на вещи, являющиеся выгодным помещением капитала. Причем значительно более выгодным, в несколько раз, иначе он не стал бы идти даже на минимальный риск. Что же более выгодно? Допустим, бриллианты, драгоценные камни. Партнер по обмену был наготове и ждал владельца контейнера. Но когда «Норденшельд» вошел в Таллин, хозяин груза заподозрил что-то и снять контейнер не решился.

– Вы считаете, человеку так легко смириться с потерей полумиллиона? – спросил Ант.

– Сесть за решетку, думаю, несладко. Тем более капитал для него в таком случае все равно будет потерян. Давай допустим, что ты прав: у него была система предупреждения. Он узнал, что контейнер мы засекли.

– Давайте. – По наступившему за этими моими словами молчанию я понял: игру пора как будто бы заканчивать. Честно говоря, только сейчас мы с Антом, кажется, постепенно поняли: а дело-то типичный дохляк. И даже если не дохляк, тут есть над чем задуматься.

– И все-таки, Сергей Валентинович, что мы считаем? – сказал я.

– А вот что. Вот что мы считаем. Мы твердо считаем, что это нарушение валютного режима, – сказал Сторожев. – Говоря языком спекулянтов – фарцовка. Тогда расчет прост. Кто-то привез в наш город полмиллиона долларов, чтобы реализовать его с выгодой. Ант, что это значит – реализовать с выгодой?

– Ну... Примерно увеличить капитал в полтора-два раза.

– Выходит, у нас есть твердая уверенность, что где-то здесь, в районе Таллина, сейчас «плавает» вещь стоимостью примерно в полтора миллиона долларов? Так? Володя?

– Так, – согласился я.

– Ну, скажем, произведение искусства. Набор бриллиантов. Не знаю. Не мне вам объяснять, что это такое. Безусловно одно: полтора миллиона долларов – это реальный государственный интерес. Реальный. И мы с вами должны эту вещь выявить. Выявить и взять. Все. Володя, тебе ясно?

– Ясно, Сергей Валентинович. Яснее быть не может.

– Тогда поинтересуйтесь.

Сторожев протянул нам через стол три фотографии. Это были фото неожиданно застигнутых объективом трех разных людей на внешней прогулочной палубе одного и того же теплохода, скорее всего «Норденшельда». Я взгляделся. Да. Все три фото явно сделаны скрытой камерой. Каждому из людей на фотографиях было лет около сорока пяти – пятидесяти. После общего взгляда я постарался как-то разделить для себя эти три фотографии и, разделив, рассмотреть более подробно. На каждом фото внизу, в уголке, были, как обычно, высветлены трафаретом фамилия и имя. Хорошо, попробуем разделить. Хотя бы так – наспех, на первый взгляд. Вот этот, например, с подписью внизу «Нуазо Клод». Невысокий, черноволосый. Но глаза светлые, а взгляд этих глаз твердый. Сразу видно, что этот человек очень уверен в себе.

Хорошо, пойдем дальше. Второе фото. Подпись – «Кунцль Апсолон». Стоит у трапа. Видимо, решил махнуть кому-то зонтиком. Этот близорук, пухлощек. Очки, кажется, с большой диоптрией. Такой – на вид, по крайней мере, – добряк-добрячок. Третий. Подпись – «Пачински Джон». Моложе остальных. Ему, скорее всего, лет сорок. Белобрысый, смотрит куда-то вверх. Интересно, что он там увидел? Чаек? Кажется, этот «Пачински Джон» сам похож на птицу. А впрочем, он элегантен. И очень даже.

– Смотрите, смотрите, – сказал Сторожев. – Смотрите внимательней. Задача на сообразительность. Если в нашем городе действительно есть вещь, для покупки которой иностранец рискнул привезти сюда такую сумму, то что он должен был сделать раньше? Сначала?

– Ну. – Я подумал. – Если по делу, он должен был сначала... скажем, за несколько месяцев... побывать здесь. Посмотреть эту вещь, так сказать, атрибутировать ее. То есть убедиться, что она стоит этих денег.

– Может быть, даже показать привезенному с собой консультанту, – добавил Пааво.

Я понял, что имел в виду Ант, а также понял, что Валентиныч давно уже без нас проработал этот вопрос.

– Все верно, – сказал Сторожев. – Так вот, эти вот трое – из прибывших в этот раз сюда на «Норденшельде» – уже бывали раньше в Таллине. Естественно, в разные сроки. И по разным делам. И еще одна задача на сообразительность. Если мелкого фарцовщика, пришедшего к нам с повинной, убивают из оружия с глушителем точно в висок. И случается это именно в те дни, когда «Норденшельд» прибывает в Таллин, мы можем как-то связать два этих события?

– Можем и должны, Сергей Валентинович, – сказал я.

– Все понятно, – добавил Пааво. – Без слов.

– Значит, считайте, что оба вы уже в приказе и с сегодняшнего дня освобождены от текучки. Кроме того, чтобы вы не начинали с нуля, я уже провел кое-какую работу с Уфимцевым. И кажется, у него уже кое-что для вас есть. Впрочем, узнаете сами. Ну и для этой же цели вот, возьми, Володя. Это любезно предоставленный начальником таможни Артуром Викторовичем Инчутиным список драгоценностей... с которыми выходили в город пассажиры «Норденшельда». Поинтересуйтесь.

– Спасибо, Сергей Валентинович. – Я взял список. Вгляделся. Все четко. По разделам – «кольца», «кулоны», «колье», «серьги».

– Я, конечно, не убежден... но вполне может быть, что тут затесалась «кукла». Ну, сам понимаешь, даже если ее нет, может быть, этот список хоть на что-то вас натолкнет.

«Куклами» вообще мы называем муляж – заранее изготовленное изделие из фальшивых драгоценностей. Если допустить, что один из пассажиров «Норденшельда» решил приобрести в Таллине что-то, что стоит таких бешеных денег, он вполне мог запастись точной копией изделия, с которым, скажем, ознакомился еще год назад. Выйдя в город с таким муляжем, ничего не стоило потом вернуться назад уже с настоящими драгоценностями. Я еще раз проглядел список. Сначала – фамилия и имя; потом – подробное описание драгоценности; потом – дата и час выхода; и наконец – дата и час возвращения. Что ж, по крайней мере, хоть начинаем не на голом месте. Записная книжка Горбачева – раз. Этот список – два. Ну и, может быть, нам все-таки что-то расскажет Эдик Уфимцев.

Мы с Антом вошли в комнату с крохотной табличкой на двери: «НТО. 4-й сектор», что попросту обозначало «лаборатория Уфимцева». По виду встретившего нас Эдика я понял, что он давно ждет нас. Худой, с оттопыренными ушами, большим носом и особым, всегда странно косящим взглядом – из-за этого он был похож на настороженную птицу, – Эдик сидел на стуле, сунув руки в карманы белого халата. Здесь же, на столе, валялись яркие цветные каталоги, увеличительные стекла, в центре стоял громоздкий прибор, как стало ясно впоследствии – калорископ для определения цветовой гаммы бриллиантов. Эдик встал, пожал мне руку, Анта же просто толкнул кулаком в бок.

- Горячий привет труженикам эн-тэ-о. – Ант подмигнул.
- Наслышан, наслышан от шефа. – Эдик вздохнул. – Ну что, выкладывайте.
- Эдик, родной. – Ант принялся не спеша перелистывать один из каталогов, на обложке которого было написано по-английски: «Аукцион «Сотби». – Не будем долго рассказывать – шеф тебе, наверное, все уже пояснил.
- Было дело. Только, Ант, не нужно пальцами трогать глянцевые литографии.
- Миль пардон. – Ант отложил каталог. – Эдик, короче, к нам привезли полмиллиона. Бабушкино наследство. Ну и... Володя, может, ты как старший группы?
- Я пока ничего не мог предположить как старший группы.
- Эдинька, – я подумал, как же все это изложить, – нам нужно знать все, что касается или может касаться фарцовщиков, особенно крупных, валюты, а также раритетов, бриллиантов и прочих дел.
- Считайте, что вам повезло.
- Эдик, это твоё хобби, но не афишируй, – процедил Ант. – Кажется, ты знаешь генеалогию всей крупной фарцы до седьмого колена? А? Эдик?
- Ну, до седьмого – это ты хватил. Но кое-какой материал для вас подобрал.
- Сейчас я думал только об одном – о смерти Горбачева. Я все время пытался хоть как-то связать это убийство с контейнером.
- Эдик. – Я помедлил. – Прежде всего, что ты вообще скажешь по поводу всей этой истории? С полумиллионом?
- Скажу, что история немного... – Эдик изменил тон. – Ну, мягко говоря, необычная. Понимаешь, слишком большая сумма для любого рынка. Уверен, что у нас ни один, по крайней мере известный мне, крупный спекулянт просто не проглотит за один присест такую сумму. Ну, допустим – он решил продать какой-то бриллиант. Но самый лучший бриллиант, старый, амстердамской огранки, потянет не только здесь, но и за кордоном тысяч сорок долларов, максимум – семьдесят. И то я считаю, это фантастическая цена.
- «А может быть, – подумал я, – убийство Горбачева и одновременный привоз контейнера – просто совпадение? Элементарное совпадение? А почему бы и нет?»
- Может быть, он просто хотел обменять валюту на рубли? – предположил Ант.
- Ант, тысячу или пять тысяч долларов обменять по спекулятивному курсу есть еще какой-то смысл, – сказал Эдик. – Хотя и непонятный мне. Но пятьсот тысяч? Вряд ли.
- Может быть, произведения искусства? – вступил я в этот, как мне сейчас казалось, довольно бессмысленный спор.
- Володя, во всем мире произведения искусства, которые могут стоить пятьсот тысяч долларов и выше, общеизвестны, – отпарировал Эдик. – Ну, скажем, отдельные вещи Пикассо, Ван-Гог, Шагал. Что-то есть и у нас – скажем, Рублев, Грек. Но везти сюда валюту, чтобы нелегально купить одно из таких всем известных произведений, несерьезно. – Эдик отодвинул калорископ в сторону. – Это... ну заранее обречь себя на провал.
- Тогда что же? – сказал Ант.
- Ант, милый, рад бы ответить, но не знаю.
- А попробовать? – сказал я. – Ну хотя бы пофантазировать? Прикинуть, что может быть?
- Хорошо, Володя, я скажу. Давай так: попробуем прикинуть, что мы бы с тобой решили купить за пятьсот тысяч, если бы они у нас были. И мы хотели бы получить кое-какой наварец...
- Занятная интрига, – сказал Ант.
- Допустим, – не обращая внимания на эти слова, продолжал Эдик, – допустим, что-то совсем неизвестное. Старое. Чего нет в каталогах «Кристи» и «Сотби». Вот в этих. – Эдик тронул лежащие перед ним альбомы. – Но что моментально станет шлягером этих каталогов.
- Эдинька. – Я помедлил. – Ты знаешь что-нибудь о таких вещах?

– Володя, найти такую вещь или узнать о ней что-то – значит найти полтора миллиона долларов. Ничего крупного даже в мизерном количестве не ходит. Самая большая сделка – четыре тысячи рублей. Естественно, данные по нашим каналам.

– А главное средоточие?

– Центры – Москва и Ленинград. Один крупный фарцовщик есть в Горьком, я у него, кстати, был месяц назад. Сам понимаешь, эти люди имеют деньги. А имея деньги, как к себе домой ездят и сюда к нам, в Таллин. Модное место. Ездят в основном солидные спекулянты, «крупняк». Пользуясь случаем, что пока на свободе. – Эдик подошел к одной из картотек, открыл ящик, достал и протянул мне три карточки. – Вот, глянь. Останавливаются только в «Виру», редко в «Кунгле». Да, да, это они. Именно сейчас, в эти дни, они живут здесь, у нас. Ерофеев, Губченко и Фардман. По кличкам Шакал, Тюля и Кузнечик. Три крупных московских фарцовщика. Одного из них – Губченко, он же Тюля, – я бы советовал особо выделить.

– Интересно, что они здесь делают? – спросил я. – Ну, будем говорить, что они здесь делают «официально»?

– Официально – отдыхают. Да, да, не смотри на меня так. Дают разгрузку пострадавшим нервам. Живут в гостинице «Виру». Номера люкс, утром гуляют, ходят в море на яхтах, сауна, вечером ресторан, подруги.

– Это означает, что они «чистые»?

– Да, все трое недавно отбыли срок по сто сорок четвертой. Сейчас, судя по оперативным данным, чисты.

Горбачев. Трое и Горбачев. Нет, это было бы слишком явно.

– Ты считаешь, они не имеют никакого отношения к контейнеру? И к убийству Горбачева?

– К убийству Горбачева у них железное алиби. В то утро все трое спали в своих номерах и появились в баре только к двенадцати. Это подтверждено. Опрошены коридорные и дежурная на этаже.

– А к контейнеру?

– Ну, Володя... В принципе все может быть. Но я считаю, не имеют. Иначе бы они не гуляли здесь у всех на виду.

– Ладно. – Я передал карточки Анту. – Спрячь, Ант, пригодятся. Так что ты откопал, а, Эдик?

– По мелочи, наверное, не стоит говорить.

– И все-таки.

– Ходило колечко, прошлый век, в середине ривер-багет (ривер, весселтон, ягер – классификация алмазов по цвету, багет и маркиз – по форме огранки. – *Примеч. авт.*) на двадцать четыре и восемь карата. Вещь Фаберже. Ходил крупный весселтон-маркиз, старой огранки, в идеальном состоянии. Иностранец, наверное, дал бы за такой тысяч тридцать. Смешно выплыл: женщина, которой он достался по наследству, пробовала продать его с рук в Москве, около магазина «Алмаз» в Столешниковом. Мы заинтересовались.

– А насчет покрупнее?

– Насчет покрупнее. Ну, если хотите, сначала байку. Полгода назад в Одессе один московский доскарь, человек достаточно серый, хотя и проходил до этого по нескольким крупным делам, купил «смальту» – каменную икону с ликом, выложенным по камню смальтовой мозаикой. Как выяснилось, купил он ее за бесценнок. Отдал этот доскарь за смальту пятьсот рублей и привез в Москву. Здесь, не мудрствуя лукаво, сдал в комиссионку на улице Димитрова. Оценщик был жулик. Кстати, сейчас он сидит. Жулик-то жулик, но, так же как и доскарь, не совсем компетентный. Смальту оценщик само собой записал не как икону, а как мозаичный портрет светского характера. Оценил в тысячу, отдал эту тысячу доскарю и тут же, естественно, позвонил знакомому фирмачу, выпросив у того три. Иностранец, ливанский подданный Камил

Шафир, смальту купил и моментально вывез. За границей эксперты установили, что это византийская икона двенадцатого века с известным сюжетом, изображающим Христа-Пантократора. На аукционе Шафир взял за эту смальту миллион долларов.

– Лихо, – заметил Ант.

Я подумал: «Кажется, Эдик за эти сутки проделал серьезную работу. Молодец».

– А если уж говорить совсем реально – сейчас у нас где-то плавают или могут плавать три вещи. – Эдик протянул мне папку. – Здесь данные о них. Одну сразу же ставлю под сомнение. Это когда-то ошибочно отпечатанный серебряный рубль с портретом великого князя Константина. Так называемый «серебряный Константин». Во всем мире таких рублей всего шесть – столько, сколько их и было отпечатано. Практически они бесценны – для нумизматов. Еще насчитывается четырнадцать абсолютно идентичных оригиналу фальсификатов. Но не думаю, чтобы кто-то всерьез привез для покупки «серебряного Константина» полмиллиона. Считается, что у нас в Союзе плавают только один такой рубль, все остальное – подделка. И хотя реальная аукционная цена этой монеты на международном рынке раритетов хранится в тайне, я все-таки думаю, что это пустая версия.

– Почему?

– Атрибутировать «Константина» здесь, в полуконспиративных условиях, трудно, а практически невозможно.

– Значит? – сказал Ант.

– Значит, остаются две вещи.

– Две? Как я понимаю, это два твоих главных удара?

– Может быть. По крайней мере, данных, что эти вещи могут плавать, мне бы не дала ни Оружейная палата, ни Исторический музей. Приходится всю информацию добывать у любителей. Вы слышали про панагию Ивана Грозного?

Панагия... Кажется, это что-то вроде образа, который носят на груди священники. Но о панагии Ивана Грозного я ничего не слышал.

– Я не слышал.

– А ты, Ант?

– К стыду своему, нет, – сказал Ант.

– Панагия – небольшой образок, обычно металлический, реже каменный, инкрустированный драгоценными камнями. Носили панагию лица духовного сана, но были панагии и у Ивана Грозного. До сих пор под вопросом, две их было или три. В Оружейной палате хранились раньше две личные панагии Ивана Грозного – каменные миниатюры, богато инкрустированные бриллиантами и изумрудами. А сейчас... Сейчас хранится всего одна. Во время революции вторая панагия была утеряна или похищена, след ее затерялся. И вот сейчас появились данные, что эта вторая панагия где-то плавает. Опять, конечно, только разговоры. Известный московский фарцовщик Сарджанов, который сейчас сидит – всадили ему на полную катушку, – во время предварительного следствия показал, что ему предлагали эту панагию «шестерки» другого крупного фарцовщика – Гуревича.

– Где сейчас этот Гуревич?

– Убит в прошлом году при ограблении его московской квартиры. Убийца был быстро выявлен и получил «вышку». Но среди найденных при нем ценностей панагии не оказалось.

– Так. Какова ее цена?

– Я беседовал с экспертами Третьяковки, с частными коллекционерами. Панагия дорога не своими розочками и изумрудами, которых в ней сравнительно мало. Суть в ее исторической, а значит, коллекционной ценности. По общему мнению, максимум, который могут дать за нее на аукционе за границей, – двести пятьдесят, много – триста тысяч долларов.

– Что-то не очень укладывается в наш преysкурant, – заметил Ант.

– Фанатик – коллекционер, «чудак» – мог бы дать за нее и больше. Естественно, цены в этих разговорах аукционные.

– Ладно, Эдик, – сказал я. – Последний объект.

Надо все запомнить. Хорошо запомнить, потом это поможет.

– Последний объект – золотая корона работы Фаберже. Корона эта была изготовлена в тринадцатом году по заказу царя известным мастером Фаберже-старшим и пропала без следа тоже во время революции. В короне двенадцать крупных бриллиантов амстердамской огранки, столько же старых индийских изумрудов. Изумруды уникальной величины – каждый не менее двадцати карат. Напомню, что это неизмеримо повышает цену камней такого ранга. Вообще по набору драгоценностей корона Фаберже – вещь баснословно дорогая. В центре огромный, уникальный по массе ягер-маркиз. Его окаймляют четыре круглых веселтона по двадцать восемь карат – чистейшей воды. Пара самых маленьких бриллиантов в короне – это два красавца ривера по тринадцать и три карата. Можешь себе представить?

– Да. – Я попробовал приблизительно прикинуть цену. – Такая вещь на аукционе может пойти миллиона за три.

– Вполне. Моя оценка такая же. При рекламе могут дать даже четыре миллиона. При расчете цены тут все просто. Коллекционная ценность такой короны невелика. Сама работа Фаберже тоже стоит «копейки» рядом с общей стоимостью. Тысяч пять долларов, ну, десять, не больше. Вся ценность короны не в работе, а в бриллиантах. Это облегчает вопрос для оценщика. Атрибутировать корону Фаберже здесь, в Союзе, неизмеримо легче, чем панагию. А значит, легче и нацелить «чайника» на ее покупку.

Мельком я подумал, что список Инчутина в таком случае вряд ли понадобится. Кукла на корону? Вряд ли даже самый экстравагантный пассажир – или пассажирка – решился бы выйти в город в короне.

– Не томи, Эдик, – сказал я. – Где плавала эта корона?

– Плавала... Данных об этом очень мало. Ходит малоправдоподобная история про Гиену – пожалуй, самого крупного спекулянта валютой. Он же Евгений Радько.

– Процесс прошлого года? – сказал Ант. – Так, кажется? Он ведь приезжал и к нам, в Таллин, этот Гиена?

– Приезжал. По рассказам, Гиена через своих людей узнал, что корона Фаберже находится в Горьком, у местного доскаря Карунного. Гиена приехал в Горький опять же со своими людьми якобы для того, чтобы сбыть Карунному несколько икон. Во время переговоров Гиене была показана знаменитая корона. Он предложил за нее Карунному сто тысяч рублей. Карунный сказал, что этого мало. Торг ни к чему не привел, и корона осталась у прежнего владельца. Но, как рассказывают, Гиена во время осмотра подменил корону, подложив вместо нее искусно сделанный фуфель. Узнав об этом через некоторое время, Карунный со своими людьми приехал в Москву и предъявил Гиене ультиматум. Так или иначе, Карунный был убит, а Гиена, в том числе и в связи с этим убийством, взят. Однако следов этой короны так и не нашлось, и на процессе она не фигурировала. Дальнейшие следы как оригинала, так и фуфеля, если он был, затерялись.

– Ты видел это? – Я протянул Ефимцеву записную книжку.

– Да. – Эдик перелистал страницы. – Записная книжка убитого Горбачева. Не то слово – видел. А убил на изучение этих записей весь вчерашний вечер. Всю эту книжку я рассортировал и разделил на части. Вот, гляньте. – Он протянул мне и Анту фотокопию.

– И что? – Ант рассматривал глянцевый лист с перефотографированными страницами. – Что-нибудь выудил?

– Ничего. Много номеров, записей, но, если быть честным, ничего интересного среди них нет. Горбачев был мелкой сошкой. Так себе спекулянтишка.

Я вгляделся в фотокопию. Записи, которые можно найти в обычной записной книжке, Эдик разбил на разделы и аккуратно рассортировал в несколько столбцов. В общем, это были обычные имена и фамилии, номера телефонов и адреса, изредка названия учреждений. Конечно, все их не запомнить. «Сберкасса». «Бармен Серг.». «Гор. отдел сбыта». Почти на каждой страничке – несколько женских имен. «Вета». «Хельга С». «Линда (бел. танц. в Кунг.)». Таких расшифровок-сокращений было много, после одной, например, «Катя», в скобках было написано «с веснушками». Все эти описи Эдик разбил на три части, заглавие их: «местные», «иногородные» и «неопознанные». В этом позднем разделе я насчитал всего семь записей.

– Пока я проверил только часть записей и, естественно, сверил все со своей картотекой, – сказал Эдик. – Интересовали меня в первую очередь только возможные связи Горбачева с крупными валютчиками. Их нет, увы. Одна мелкота.

Насчет мелкоты Эдик прав. Нас должны интересовать только возможные связи Горбачева с крупняком. Вряд ли мелкий спекулянт или кто-то связанный с ним начнет палить из снайперской винтовки с глушителем.

– А может быть, через мелкоту можно выйти на крупных? – поинтересовался Ант.

– Ну, знаешь, таким методом можно пристегнуть к этой книжке целое адресное бюро.

Я подумал. Да, если уж основываться на этих записях, то надо исходить только из того, что есть в книжке. Так сказать, из общего характера записей. И не фантазировать.

– Так-таки ничего нет? – сказал я. – А неопознанные?

– Неопознанные, увы, не обещают ничего интересного. Хотя. – Эдик открыл лист, видимо уже хорошо ему знакомый. – Вот, смотри. Интерес, думаю, может представлять одна запись. Семизначный номер телефона. Двести четырнадцать – пять четыре – одиннадцать. Под ним имя и отчество: Вениамин Михайлович. Конечно, Вениаминов Михайловичей немало на белом свете. Но, понимаешь, в общем контексте книжки такого пижона, как Горбачев, это подчеркнуто уважительная запись. Думаю – она может говорить о какой-то серьезной, солидной связи. Единственное, пока неясно, какого города это телефон: московский, ленинградский, киевский?

– Выяснить это не так сложно, – сказал Ант.

– Не спорю. Выяснить фамилию абонента – да. Но кто он и каким был характер его связей с Горбачевым, посложнее.

– Тут много иногородних адресов, – сказал Ант. – Смотри, вот среди неопознанных: Гдов, Печорск, Валга. И все – небольшие городки у нас под боком.

– Скорей всего, это места для отдыха, облюбованные Горбачевым. Скажем, комната, которую можно снять, или что-то в этом роде.

– Но проверить?

– Ну проверить. – Эдик поморщился. – Если ты решил проверять все, что есть в этой книжке, на это уйдет год как минимум. Те же женские имена типа «Света» или «Линда». Конечно, и среди них можно что-то найти. Но серьезного – тью-тью, Ант. Вряд ли.

– И больше ничего нет? – спросил я. – Эдинька? Кроме Вениамина Михайловича?

– Есть. Вот видишь, запись: Зенов Григорий Алексеевич.

– Зенов, – сказал Ант. – Зенов. Где-то я эту фамилию слышал. Это, кажется, наш, таллинский?

– Угадал. Товаровед Центрального универмага. Когда-то гремел, был крупняком в мире валютного бизнеса. А потом завязал. Причем давно и прочно. Был крупный процесс, но... за примерное поведение во время следствия Зенов был осужден условно. С конфискацией, естественно. После этого уже долгое время ни в чем не замечен. Работает тихо товароведом по сувенирам.

– Займемся, – сказал Ант.

– Ладно, Эдик. – Я встал. – Спасибо огромное.

– Учти, Эдик, в любом сомнительном случае будем звонить тебе безжалостно, – сказал Ант. – Сюда и домой, днем и ночью. Так что не взыщи.

– Намек понял.

– Да, Эдинька, и еще, – добавил я. – И это последний вопрос, не пугайся. Эта тройка гостей из Москвы... Все-таки, может быть, они имеют ну какое-то, скажем, касание к контейнеру?

Вопрос был в точку, и Эдик долго думал. Наконец вздохнул:

– Думаю, нет. Нет, Володя. Прибыть сюда для такого крупного дела сразу после отсидки? Естественно, ручательства не даю, потому что все возможно, и все-таки мыслю – нет.

– А... как на них посмотреть?

– Ну, это проще простого. Что у нас сегодня? Среда? Среда. Значит, вечером они наверняка будут, как обычно, в баре ресторана «Виру». На седьмом этаже.

– Спасибо. – Мы двинулись к двери.

– Да! – сказал вслед Эдик. – Если будете с ними работать, запомните: самый интересный из них Тюля, Губченко. С ним будьте особенно почетче.

В баре на седьмом этаже гостиницы «Виру» все места были уже заняты, хотя вечер только начинался. Я вспомнил – кажется, считается, что в этот бар ходят лучшие девушки Таллина. Не знаю, как девушки, но за стойкой невозмутимо сбивал коктейли Рейн – действительно лучший бармен Таллина. Маленький, сухощавый, он, несмотря на свои пятьдесят лет, чем-то напоминал мне мальчишку. Увидев нас, Рейн кивнул. Помедлив, показал два пальца. Это означало: вам два места? Как только Рейн понял, что угадал, он тут же вытащил два табурета и поставил их с другой стороны стойки. Мы сели, и Ант сказал по-эстонски:

– Рейн, спасибо. И еще, если нетрудно, – два шампаня.

Пока Рейн сбивал коктейли, я не спеша оглядывал зал. Бар этот считался полувалютным. Главным образом иностранцы. Причем большинство из них сидит, как и обычно, за стойкой. За столиками же вразброс – несколько немолодых кутил с подругами. Кроме них, три или четыре совсем юные пары. Мальчики и девочки, одетые, как и положено, по последнему писку моды и сидящие, как и положено, в обнимку. Я продолжал осмотр; тем же самым занимался и Ант. Есть ли здесь хоть кто-нибудь, отдаленно напоминающий любого из тройки: Шакала, Кузнечика, Тюлю? Ерофеева, Фардмана или Губченко? Разобрать это в полутьме, во вспышках цветомузыки да еще за танцующими парами было не так просто. Тем более что мы сидели спиной к залу и следить можно было, только глядя в большое, заставленное разномастными бутылками зеркало перед нами. Естественно, прежде чем прийти в бар, мы с Антоном добросовестно изучили все три фотографии: Тюли – Губченко, Шакала – Ерофеева и Кузнечика – Фардмана, приготовленные Эдиком. Но по опыту я знал, как может быть несхожа фотография из судебного дела с реальным человеком, пришедшим вечером отдохнуть в один из баров Таллина. Получив свои коктейли, мы с Антоном почти одновременно выделили один из столиков в дальнем углу. Там сидели трое мужчин и рядом – три молоденькие и действительно очень хорошие девушки. Лица всей шестерки были освещены слабо, но пока, кажется, это походило на то, что нам было нужно. Двум из мужчин за этим столиком было около сорока, третьему, который то и дело вставал и танцевал, явно меньше. Это еще точнее наводило на нужный след – по данным Эдика, Кузнечик-Фардман был на двенадцать лет моложе своих приятелей Ерофеева и Губченко. Тронув бокал, Ант поморщился и поднял бровь. Он мог этого и не делать. Ант сейчас так явно пытался скрыть, что наблюдает за тройкой, что я понял: Пааво считает, что эти в углу почти наверняка то, что мы ищем.

Хорошо. Может быть, Ант прав и это, верней всего, они. Я хорошо видел сейчас одного из тройки – человека средних лет, который сидел ко мне вполоборота и довольно бесстрастно выслушивал то, что ему шептала на ухо одна из девушек. Ну что ж. В общем, по описанию и фото этот человек вполне похож на Губченко-Тюлю. Складки у рта – возраст. Чуть выступаю-

щая нижняя челюсть. Пухлые губы. Лицо этого человека, если уж говорить об этом, казалось скорее приятным, чем отталкивающим. Одет он был модно и в то же время сдержанно. Ничего лишнего. И очень уверен в себе. Да, кажется, это и есть Губченко. Именно в этот момент Ант чуть заметно скосил глаза. Я увидел – подруга Тюли решила закурить, Тюля шелкнул зажигалкой раз-другой, но огня не было. Тюля положил зажигалку, оглянулся. Сейчас он наверняка подойдет или к соседнему столику, или сюда, к нашей стойке, чтобы взять спички.

Так и есть. Тюля встал и двинулся сюда. К столикам он решил не подходить. Тем лучше. Ант сначала изобразил, что очень занят своим коктейлем, потом отвернулся, а через несколько секунд, сделав вид, что ему что-то понадобилось в другом конце зала, ушел, освобождая тем самым табурет. Поэтому Тюля остановился почти рядом со мной – у свободного пространства. Не глядя на меня, пошарил в кармане, положил на стойку десятикопеечную монету. Стал терпеливо ждать, пока Рейн обратит на него внимание. В это время я и сказал:

– Извините. Тюля?

Я хотел сыграть так называемую «задушевку» и сказать это как можно непринужденней, по-приятельски. Но на Тюлю, кажется, это сейчас не подействовало. Или почти не подействовало. Лицо его ничуть не изменило выражения, он лишь поймал глазами взгляд Рейна и сказал:

– Пожалуйста, спички.

Взяв коробок, повернулся ко мне:

– Он самый. А что?

Здесь случилось то, чего, собственно, и следовало ожидать: Тюля поймал меня на паузе. Теперь он мог молча выжидать, что я скажу, чтобы затем с полным комфортом, не спеша, определить, кто я такой. Если уже он этого не определил. Я же вынужден был, внутренне ругая себя последними словами, поддерживать предложенный мною же и явно неверно взятый тон:

– Каким ветром?

Я все-таки переломил себя и, поняв, что «просечен», потянулся было к карману. Но этот мой жест – показать удостоверение – был воспринят Тюлей неожиданно. Он тут же незаметно для остальных, но явно загородил меня от зала; выждав секунду, сказал почти беззвучно:

– Пожалуйста, я вас очень прошу, не показывайте мне удостоверение. Я вам верю. Мои товарищи могут за нами следить, и это их напугает. Мы ведь и так пострадали. – Оглянувшись, Тюля посмотрел на пустой табурет и, кажется, понял, что место здесь оставлено специально для него. – Можно присесть?

– Конечно.

Испросив у меня жестом разрешения закурить, Тюля с удобством устроился на табурете, не спеша затянулся и спросил:

– А что, приехать из Москвы в Таллин уже криминал?

– Нет, Виктор, не криминал.

Я следил за Тюлей. Я понимал, что он сейчас прав. За ним ведь пока ничего нет, после отсидки он чист. И он ведет себя с учетом этого – до последнего слова. Ладно. В любом случае я обязан прежде всего спросить его о Горбачеве.

– Скажите, Виктор, вы знали такого – Горбачева?

– Горбачева?

Или Тюля гениальный актер, или он действительно никогда не слышал о Горбачеве.

– Да. Горбачева Виктора.

– Горбачева. – Кажется, Тюля сейчас искренне пытался вспомнить, кто такой Горбачев. – Он что, местный?

– Местный. Он довольно часто заходил в этот бар.

– Горбачев. – Тюля помедлил. – Нет, такого не знаю.

– Хорошо. – Кажется, он в самом деле не врет. Я незаметно достал фотографию Горбачева и придвинул по стойке к Тюле. – Посмотрите. Не спеша, хорошо посмотрите. Вам это лицо знакомо?

Тюля рассматривал фотографию довольно долго. Наконец сказал:

– Может быть, видел. Даже почти наверняка видел. И кажется, именно здесь, в этом баре. Этот парень приходил сюда. Ну, дней пять назад, кажется. Но кто он такой, не знаю. За ним я не следил. У него своя компания.

По-моему, сколько бы я ни пытался приписать Тюле знакомство с Горбачевым, он в самом деле не знает явщика. Я спрятал фото.

– Это все? – сказал Тюля.

– Нет. Если можно, еще пару вопросов.

Он вежливо качнул головой.

– Я интересуюсь крупными вещами. Конкретно – плавающими. Что и где плавает. Крупное и серьезное.

– Что значит – крупное и серьезное?

– Ну, скажем, не меньше чем тысяч на пятьдесят. Тюля усмехнулся. Покачал головой:

– Шутите. То, что было раньше, я уже забыл. Если что и плавало на такие суммы, то давно уже уплыло. А сейчас... Сейчас, как сами знаете, не занимаюсь.

Тюлю не устраивает игра в откровенность. Что ж, остается одно – нажать на него. И нажать покруче.

– Вы что, серьезно хотите сказать, что ничего не знаете?

Тюля покосился. Вздыхнул.

– Хорошо. У моего знакомого в Москве есть три дощечки, шестнадцатый век. Каждая на десять – двенадцать тысяч, не более. Естественно, разрешение от Третьяковки. Могу дать телефон.

Кажется, я действительно произвел на него впечатление полного профана – если он так элементарно пытается сейчас меня обойти. Разрешение от Третьяковки.

– Вы знаете, Виктор, интересно. И все-таки мелкоовато.

Тюля сразу по моему тону понял свою ошибку. Аккуратно стряхнул пепел. Да, держится он образцово.

– Вы просите сведений о вещах на какие-то чудовищные суммы.

– А что, таких не бывает?

– Бывают. Но мне они пока неизвестны.

– Ну а если все-таки вспомнить? Скажем, в кругу Мони?

Тюля молчит. Кажется, он что-то решает про себя.

– Если вы имеете в виду панагию Грозного – это обычный фуфель.

Вот это уже разговор.

– А что не фуфель?

Тюля думает. Или делает вид, что думает.

– Хорошо. Вы что-нибудь слышали о короне Фаберже? И орденах?

Неужели зацепил? А почему бы ему и не помочь нам, в конце концов? Да, он делец. Но ведь и делец должен когда-то пойти на уступки.

– Краем уха, – говорю я. Так и надо сейчас отвечать – нейтрально. – И что-то несерьезное.

Корона Фаберже – информация Эдика. Тюля о наличии у меня этой информации не знает. Значит, все-таки выплывает корона? Но вместе с ней какие-то «ордена», о которых Эдик не говорил.

– Ордена? – Я нарочно помедлил. Я заметил: товарищи Тюли в углу довольно внимательно следят за тем, как он разговаривает со мной. Очень хорошо, пусть следят. – А... что это?

– Награды какого-то нашего крупного полководца. Не то Кутузова, не то Суворова. Уплыли из какой-то церкви.

– А где они могут ходить?

Тюля усмехнулся. Да, вопрос был задан мной уж слишком «в лоб».

– Слышал, что где-то в Псковской или Новгородской области. Всего их, кажется, штук пятьдесят. С камнями. Больше ничего не знаю.

Кажется, из дальнейшего разговора с Тюлей ждать нечего. Но хватит и этого. Теперь можно спросить то, что сейчас меня волнует меньше, но все-таки спросить об этом будет, как выражается Валентиныч, грамотно.

– Виктор, последний вопрос. Вы не знаете такого Зенова? Зенова Григория Алексеевича? Местный житель?

– Зенова... – Тюля помедлил только секунду. Но этой секунды было достаточно, чтобы понять: правды, по крайней мере полной правды, сейчас он мне не скажет. – Где-то похожее слышал. Но где, не помню. Честное слово, не помню.

Помнишь, Тюля. Готов биться об заклад, что отлично помнишь. Только почему-то не хочешь сейчас об этом говорить. Хорошо. Это дает мне теперь некое преимущество. Тюля осторожно кладет в пепельницу погасшую сигарету. Смотрит на меня. Я изображаю дружескую улыбку:

– Было очень приятно познакомиться.

– И мне приятно. – Кивнув, Тюля встает. Я вижу, как он медленно пробирается к своему столу. Сел.

Кажется, Ант давно стоит сзади, я это чувствую спиной.

– Что-нибудь еще? – наклонился Рейн.

– Нет, нет, спасибо.

Мы с Антом расплачиваемся и спускаемся вниз. Здесь, у входа в гостиницу, сейчас, в середине вечера, сравнительно пусто и тихо. Дремлет швейцар, на часах над ним восемь. Значит, мы вполне еще можем успеть к Зенову. По взгляду Анта я понимаю, что и он сейчас думает о том же и еще о том, стоит ли вообще «гореть на работе» и допускать переработку.

– Ну что? В машину? – говорит он.

– Да. Ты садись, а я быстро звякну Эдику.

А вечер тихий. Тихий, очень тихий. Может быть, плюнуть пока на Зенова? И поехать с Антом в яхт-клуб? А с Зеновым успеется еще. Поговорим завтра. Нет. Да и потом, для яхт-клуба вечер как-то все равно уже сломан. Я подошел к телефону, набрал номер лаборатории. Через три гудка раздался щелчок, и голос Уфимцева сказал:

– Вас слушают.

– Эдик, это я. Прости, ты не слышал ничего о неких «орденах»? Предположительно – это пропавшие награды какого-то нашего крупного полководца, не то Кутузова, не то Суворова?

– Орденах? Подожди, подожди. Орденах? Что-то такое слышал.

– Ты можешь разузнать поточней? Кажется, эти ордена связаны с какой-то церковью то ли в Псковской, то ли в Новгородской области.

Пока мы ехали к Зенову, Ант не без интереса выслушал мой рассказ о разговоре с Тюлей.

Зенов жил в новом районе. Мы с Антом поднялись на пятый этаж типовой двенадцатизетажной коробки, нашли нужную квартиру, позвонили. Дверь почти тут же открылась. За ней стоял мужчина небольшого роста, полный, с одутловатым лицом, мешками под глазами. Выбрит он был не очень чисто, и вообще казалось, он выглядит каким-то не очень свежим. Да, это Зенов – его фотографию я изучил достаточно хорошо.

– Григорий Алексеевич? – спросил я. – Мы не ошиблись?

– Проходите... Вот сюда, сюда. – Зенов пропустил нас в коридор и открыл еще одну дверь, пропуская в очень большую комнату. Стены комнаты были закрыты полками с фарфоровыми,

серебряными и бронзовыми статуэтками, хрустальными вазами и книгами. Зенов усадил нас, и мы втроем довольно чопорно обменялись фамилиями, именами и отчествами.

– Григорий Алексеевич. Будем говорить прямо. Нас интересует...

Он не дал мне договорить:

– Знаю.

Я вынужден был замолчать. Ант отвернулся, и я понял, что это значит: «Не знаю, как считаешь ты, но мне кажется, пусть говорит».

– Тюля. Шакал. Кажется, еще и Кузнечик. Алик Ерофеев, Гарик Фардман, Витя Губченко. Я их видел, они здесь. Скажу прямо, они тут ничего не потеряли. Как они выражаются, без мазы.

Тема другая. Вся эта тройка меня, в общем, сейчас интересовала лишь во вторую очередь. Главное, что я хотел бы выяснить, – почему в записной книжке Горбачева оказался телефон Зенова. Но мне пришлось, отложив пока это, поддержать тему:

– Почему такая уверенность?

– Очень просто. Не знаю, как Фардман, но Алик и Виктор мелочиться никогда не будут. Значит, вопрос пойдет штук примерно на десять – пятнадцать. При этом пятьсот процентов, что Алик или Виктор, если приедут делать дело, никогда не остановятся в «Виру». Виктор, во-первых, скорее всего, пришлет «шестерку». А если уж приедет сам, то тихо. Может быть, даже сойдет с московского поезда за остановку до Таллина, а потом уже доедет на автобусе. И остановится у частника. Знаете, на дачах в Пирита. Стоит постучаться в две-три калитки. И уж никому здесь не покажется, а тем более мне, скажем.

Разговор, как мне показалось, взбудоражил Зенова. Он встал, подошел к окну.

– И никогда уж они не снизойдут – в делах – до соседства с Кузнечиком. В смысле, Шакал или Тюля. Кузнечик – мелкота.

– Почему же сейчас снизошли?

– А сейчас что? Развлечение. Кузнечик веселый парень, в компании незаменим. Ля-ля и так далее. Сейчас они еще заплатят ему, чтобы он с ними поехал.

– Вы их хорошо знаете?

– Еще бы мне не знать. Из-за этого... дерьма. – Я почувствовал, голос Зенова стал хриплым, злым. Потом в нем проскользнула какая-то боль, искренняя печаль. – Вы не знаете, какое это... болото. Даже... даже не в их законах. Законы – бог с ними. На то они и... Воровские, конечно, но это... так уж. А в самом смысле... в духе. Пустота. Такая пустота. Вы видите меня? Кто я теперь? А ведь я был. Теперь меня нет. Вот что со мной стало. Я сейчас обломок. И знаете почему?

Интонация его голоса вынудила меня спросить:

– Почему?

Зенов подошел к креслу. Сел.

– А по очень простой причине. Я боюсь.

– Чего же вы боитесь? Конкретно?

– Смерти боюсь. Секим башка. Чик-чик.

Его кривляние вдруг ушло, он стал каким-то обычным, совсем обмякшим.

– Причем резать-то меня никому не за что. А еще. – Он щелкнул пальцами, сопровождая этим жестом движение руки в сторону полка. – Ну, боюсь вот это потерять. Эти вещи мне дороги. В них тоже вложено немало. Я не рвач. Сами знаете, фарц я давно бросил. Но вещи люблю. Есть люди, равнодушные к вещам. А для меня эти вещи, эти книги дороги. За ними многое стоит. Но почему я боюсь их потерять? Почему этот страх? – Он снова встал и подошел к полкам. – Вы... хотели меня о чем-то спросить?

– Да. Вы знали такого – Горбачева?

– Горбачева... – Зенов нахмурился. Но испуга в этом его движении я не заметил. – Горбачева. А в чем дело?

– Григорий Алексеевич, я ведь вас не об этом спрашиваю. Так знали или нет?

Я мельком взглянул на Анта и понял, что Пааво сейчас спокойно, со всеми удобствами «ловит рыбку», то есть фиксирует малейшие, заметные и почти незаметные изменения в позе, жестах, мимике и словах Зенова. Вот почему хорошо работать вдвоем. Молодец Ант. Я сейчас могу вести разговор раскованно, свободно, с легкой душой.

– Ну, мало ли людей есть знакомых. Всех не упомнишь.

– Григорий Алексеевич... Ай-яй-яй.

– Ну хорошо, знаю такого. – Зенов отошел от полки. – Знаю. Это... мелкий спекулянт. Человек, о которого и мараться-то не стоит.

– И тем не менее вы марались.

– Ничего я не марался, было пару раз – книжки какие-то он мне доставал, и все.

Мне вдруг показалось – Зенов говорит правду. И все-таки я должен сейчас выпросить у него все о Горбачеве. Все, что он знает.

– Что вы вообще о нем знаете? Я имею в виду – может быть, он был связан с кем-то из крупных людей?

– Да почему я должен о нем знать? Ни с кем он не был связан. Не может такой человек быть всерьез с кем-то связан.

– А когда вы в последний раз его видели?

– Да уж и не знаю. Месяца два, кажется, назад.

Ант смотрел на меня, но я и без него понимал: пока эту тему лучше больше не трогать.

– Хорошо. – Я нарочно выдержал долгую паузу. – Григорий Алексеевич. Мы хотели вас попросить еще об одной помощи. Нас интересуют крупные вещи. Совсем крупные. Раритеты, драгоценные камни. Которые, ну практически, не имеют цены. И, так сказать, бесхозны. Плавают по кругу.

Зенов молчал. Я понял: он колеблется. Но почему? В чем дело? Типичный завязчик. Да и по приметам, и по всему ясно: «делами» он действительно уже не занимается.

– Григорий Алексеевич, я не понимаю. Вы не хотите нам помочь?

– Хорошо, я скажу. Вы слышали о пропавшей коллекции нумизмата Коробова? Серьезная была коллекция. В несколько тысяч монет. И почти все редчайшие. На подбор.

– Была?

– А вы как будто не знаете, что бывает с такими коллекциями? После смерти Коробова, насколько я понял, ее и след простыл. А где она, не знаю. Даже близко не знаю.

Что-то мне не понравилось в его голосе. И вообще мне не понравилась вся эта история с коллекцией Коробова. Но я понимал: Зенов больше ничего нам не скажет. Пора кончать.

– Большое вам спасибо, Григорий Алексеевич. Вы нам очень помогли.

– Ну что вы, не стоит. – Зенов, хмурясь, проводил нас с Антом до двери.

Выйдя на улицу, мы сели в машину.

– Ну что? – спросил я. – Есть хоть ощущения?

– Есть. – Ант помедлил. – Я его все время ловил. Просто – по сантиметрам и секундам. Ты что, не заметил?

– Заметил. И что ты выловил?

Ант долго молчал. Наконец включил мотор.

– Ничего. Ты знаешь, по-моему, за ним ничего нет. Только зря потеряли время. По крайней мере, с Горбачевым – все, что он говорил о нем, похоже на правду. Поедем?

– Поедем. Забрось, если нетрудно.

– Нетрудно. – Ант резко взял машину с места. Минут через двадцать так же резко остановился у подъезда моего дома на Харьку. Я подумал: практически я в своей холостяцкой квартире только ночую. Если не считать воскресений. И то не всегда.

– Ну что, до завтра? – Пааво, помедлив, достал записную книжку Горбачева, стал перелистывать страницы. – Слушай, Володя. Я тут полистал все это еще раз. И вот эти адреса.

Я вгляделся. На раскрытой странице значился адрес: «г. Печорск, Запрудная ул., 6, кв. 14, Кузнецова Анна Тимофеевна».

– Печорск, – сказал Ант. – Через него проходит московский поезд. Помнишь, что сказал Зенов о Тюле? О привычке сходить за остановку до Таллина?

– Ант, все это вполне может быть. Но пока слишком шатко. Будь. – Я вышел и услышал, как Ант тут же тронул машину.

Утром, как только мы заглянули в лабораторию, навстречу нам поднялся Эдик.

– Привет, привет. Были, были такие ордена. Суворовские ордена. Просто они не занесены в мою картотеку – потому что я даже вероятности не допускал, что они могут плавать. Я уже сделал с утра запрос. Вот, гляньте. Я тут набросал список, пока приблизительный, кое-что уточняется. – Уфимцев протянул мне листок. – Понимаете, братцы, все верно – Суворов завещал после своей смерти все его награды передать в дар церкви села Кончанского Новгородской губернии. Там он провел последние годы – в ссылке. Ну и... если эти ордена плавают, вернее, если есть хоть один процент, что они плавают, – вы понимаете, что это значит?

– Вроде, – сказал Ант. – Ну а дальше что было?

– Дальше. В тридцатых годах прошлого века в Кончанском случился пожар. Многие вещи, в том числе и ордена, сгорели или исчезли. Считается, что исчезли.

– Да, это серьезно. – Пааво изучал списки. – А, Володя? Неужели... мы не зря копались? Орден Андрея Первозванного с бриллиантами. Орден святого Станислава с бриллиантами. Анна всех степеней.

– Эдик. Ты доложи шефу поподробней. – Я вернул список Уфимцеву. Наверняка известие об орденах заинтересует Валентиныча. – И еще. Мы с Антом были у этого Зенова.

– Ну и что?

– В общем, как будто ты прав. Он показался мне человеком... не таким уж плохим. Но потом, когда зашла речь о товаре... О том, что и где может сейчас ходить, по-моему, стал темнить.

– Что он вам назвал?

– Некую коллекцию покойного нумизмата Коробова.

– Извини. – Эдик по своей привычке скривился. – Ты пал жертвой. Зенов тебя грубо наколол. Об этой коллекции знают все младшие следователи. Ее накрыли лет пятнадцать назад, и она фигурирует во всей справочной литературе.

Я почувствовал раздражение. Все-таки Зенов поступал слишком нагло.

– Вот тип. Но зачем он это сделал? Ведь ему ничего не грозит. Спекуляцией он давно не занимается. Какой ему прок от этой липы?

– Володя, Володя. – Эдик вздохнул. – Они смертельно боятся, неужели ты не понимаешь? – Он помедлил и добавил – так, будто не был уверен, что я его пойму: – Боятся всего. В том числе друг друга. А больше всего боятся сболтнуть лишнее.

– Ладно. – Я встал. – Эдик, если можно, достань фото орденов. А Зенова... Зенова в таком случае мы сами сейчас попугаем.

Вход в Центральный универмаг забит людьми – полчаса до перерыва. Ант, выставив плечо, осторожно вступает в общий поток. Постепенно, шаг за шагом, мы попадаем в зал первого этажа. Это как раз то, что нам нужно. Часы, спорттовары, галантерейные изделия, сувениры. А вот и коридор. Надпись на одной из дверей: «Сувениры. Товаровед». Я тронул ручку – открыто. У зарешеченного окна за столом сидел Зенов. Он что-то писал и не обратил внима-

ния на хлопнувшую дверь. Разглядывая его спину, я вспомнил все детали нашего вчерашнего разговора. Да, я теперь понял: он действительно боится. Он напуган старым.

– Григорий Алексеевич?

– А... – Зенов вздрогнул. Обернулся. – А-а. Это вы?

Сейчас надо не давать ему думать. Давить, и давить жестко, как можно жестче.

– Вы обманули нас, Григорий Алексеевич. – Я подошел и вместе с Пааво сел рядом с Зеновым. – Только непонятно зачем. Я мог и не знать, что вы выдаете нам липовую информацию.

– О чем вы? Не понимаю... – Он попытался перебить меня.

– Но неужели вы считаете, что я не проверил бы все до конца? И не узнал бы, что ваше сообщение о коллекции Коробова – липа? Мы же взрослые люди, Григорий Алексеевич.

– Я... просто слышал. – Да, Зенов сейчас явно растерян. – Слышал, только слышал.

Сейчас можно изменить тон. Говорить с ним мягче. Но давление должно быть таким же, без всякой жалости.

– Вы отлично знаете, что ничего не могли слышать. Потому что это коллекция... вашей прабабушки.

– Хорошо. – Лицо Зенова стало злым. – Вы правы. Я все выдумал. Никакой коллекции не было. Или она была сто лет назад. Но... за последние два года я ничего, повторяю, ничего не знаю ни о каких делах. Потому что не занимаюсь ими, поймите.

– Верю. Верю, что вы ввели меня в заблуждение, не подумав. – Надо не упускать его, ни в коем случае не давать ему послабления. – Бойтесь, Григорий Алексеевич.

Пытаетесь хитрить. А зря. Между прочим, Тюля, о котором вы так нелестно отзывались, был более откровенным. Вы что-нибудь слышали о пропавших суворовских орденах?

– Что? – Зенов взялся за голову. – Орденах? Господи. Ой... Тюля сказал вам о суворовских орденах.

– Что это значит, Григорий Алексеевич?

Я уже видел реакцию Анта – она была довольно настороженной и явно в связи с этими словами.

– А то значит, что суворовские ордена – липа! Наводка! Тюля, извините за грубость, пустил вас на фуфло!

В подсобке повисла тишина. Липа. Ордена тоже липа? И эту липу мне всучил Тюля. Реакция Анта, но в ней я разберусь потом. А что, кажется, насчет Тюли и липы вполне может быть. И кажется, это начинает меня злить всерьез.

– Вы уверены?

– Уверен! – Зенов в отчаянии взмахнул руками. – Уверен! Да это я, я в свое время чуть ли не десять лет кружил вокруг этих орденов! Я! Что я только не делал! Как только не хитрил! Их нет! Нет! Понимаете, нет! То есть, я хочу сказать, после пропажи в прошлом веке они не обнаружены! Не обнаружены! А Тюля... Тюля от меня и знает об этих орденах. От меня, и больше ни от кого. Я сам сказал ему о них, чтобы при случае разделить барыш на двоих. И просил не закладывать. Эх, Владимир Владимирович, Владимир Владимирович... Вы не знаете Тюлю. Он потому и сказал вам об орденах, что теперь знает точно – их нет. Нельзя же искать бесконечно. Подождите. – Зенов оглянулся. – Подождите. Значит... Значит, Тюля ничего не говорил вам о петровском колье?

Так. Реакция Анта означает – у него какие-то свои соображения. Колье? Что за колье? Опять наковка? Судя по поведению Зенова, не похоже.

– О петровском колье?

– Да. – Все дальнейшее Зенов говорил настолько тихо, что нам с Антом пришлось пригнуться. – Еще его называют «колье Шарлотты». Если уж говорить о крупных вещах, то прежде всего нужно говорить об этом колье. – Говоря это, Зенов то и дело оглядывался на дверь.

Чувствовалось – это движение совершенно искренне, хотя сейчас оно и выглядело несколько смешно. – Сто тридцать один бриллиант. Это подарок Петра Первого невесте своего сына, царевича Алексея, принцессе Шарлотте. Я не знаю, что там с историей... но это кольцо плавало. У нас. У нас. Вы понимаете? Совсем недавно. Это кольцо ходило. И знают об этом только три человека. Я, Тюля, и... третий.

– Вы знаете, кто он? Этот третий?

– Не знаю. – Кажется, Зенов боялся, что я ему не поверю. – Ей-богу, не знаю, честное слово. Но... Но знаю точно – об этом человеке знает Тюля. По крайней мере, он что-то пронюхал. Тюля такой. Тюля ни одной крупной вещи не упустит. И не расколется. Никогда. Он темнил. Понимаете, темнил?

Ант довольно явно посмотрел на часы. Мы встали.

– Григорий Алексеевич, – это я спросил уже в двери, – почему же вы мне сразу об этом не сказали? Про кольцо?

– Жизнь у меня, дорогой вы мой человек, одна. Я и сейчас жалею, что сказал. – Зенов посмотрел на меня то ли с насмешкой, то ли с укоризной, но мне уже было не до него.

Мы с Антом выбежали на улицу. Телефон-автомат был занят. Девушка, говорившая по телефону, обернулась.

– Умоляю, – сказал Ант, – очень срочно.

– Тут трубку вырывают, – сказала кому-то девушка. – Я перезвоню.

Она вышла. Я опустил две копейки. Стараясь не спешить, набрал номер гостиницы «Виру». Занято. Я набрал номер несколько раз – тот же результат. Бесполезно. Что ж, придется ехать в гостиницу. Но вдруг, прорвавшись сквозь гудки, возник усталый голос:

– Гостиница «Виру»...

– Будьте добры... Вы не посмотрите, проживает ли в гостинице товарищ Губченко Виктор Федорович?

– Нет, – после короткого молчания сказала дежурная, – съехал.

– Простите! – крикнул я, стараясь этим криком помешать дежурной положить трубку. – Давно?

– Ну, мы же не меряем на секунды... – Пауза. – Часа полтора.

– Спасибо. – Я повесил трубку.

– Тюля выехал из гостиницы часа полтора назад.

– Что же мы стоим? В аэропорт?

– Подожди, Ант. – Я снова снял трубку, набрал номер. – Аэропорт? Оперативного дежурного. Козлов? Мартынов. Здравствуй, Пашенька. Пожалуйста, проверь быстро в регистратуре, нет ли среди вылетающих ближайшим рейсом пассажира по фамилии Губченко? Губ-чен-ко Вэ Эф. Да. Хорошо, я подожду.

Бороться с Тюлей можно только одним оружием – взять его на испуг. И сделать это нужно немедленно. Сейчас. Я подождал, пока Козлов справится в регистратуре. Произошло это довольно быстро.

– Есть, – сказал в трубку Козлов. – Губченко Вэ Эф, рейс девяносто – ноль пять, вылет через двадцать пять минут.

– Слушай, Паша. Только все сделай, как я тебя прошу. Попроси кого-нибудь в форме, ну дежурного милиционера: пусть найдет этого Губченко. Он высокий, лет сорок, хорошо одет. В крайнем случае объявите по залу. Пусть найдет и вежливо, но строго... Ты понял – вежливо, но строго – отберет документы для проверки. Пусть этот Губченко малость испугается, понимаешь? Ну, отлично. Сейчас буду. Документы держи у себя.

Да, Пааво жал всюю. Он только процедил, глядя на дорогу:

– Список. Там было кольцо на сто тридцать один бриллиант.

У аэропорта Ант круто развернул «жигули» и встал как вкопанный у служебного входа. Мы бросились наверх.

– Порядок. – Паша Козлов вынул из ящика паспорт и билет.

– Отдал спокойно? – Я спрятал документы в карман.

– Абсолютно. Без звука. Сейчас сидит в зале. Посмотрим?

Паша включил экран монитора теленаблюдения. Высветился зал ожидания – он был сейчас довольно пуст.

– Неужели ушел?.. – сказал Паша. – Хотя нет. Вот он.

Теперь я и сам увидел Тюлю. Он стоял спиной к нам, разглядывая летное поле. Я спустился вниз, вышел в зал.

Медленно подошел к Тюле, который стоял в той же позе – разглядывая самолеты и погрузчики за окном. Тюля почувствовал, что кто-то к нему подошел. Обернулся.

– Привет, – сказал я. – Обманиваем, Виктор? А зачем?

Тюля на этот раз и не собирался играть в невозмутимость. Он молчал. Он почти не скрывает сейчас, что растерян. И не скрывает, что лихорадочно просчитывает, что можно, а что нельзя мне говорить. Ему хочется улететь. Очень хочется.

– Вы меня жестоко накололи, Виктор. Что же вы молчите?

– Я... никого не накалывал.

– Да? А суворовские ордена?

– А... что? Они же ведь были.

– От кого вы о них слышали? Быстро?

Тюля оглянулся.

– Хорошо. Давайте хотя бы отойдем в тот угол.

Мы встали за прилавком газетного киоска, который сейчас был закрыт. Тюля молчит. Колет? Если колет... Нет, дорогой Тюля, этот номер прошел у тебя только один раз. Второго не будет.

– Я говорил то, что знаю. Я только... слышал об этом.

– От кого?

Вряд ли Тюля сейчас скажет о Зенове. Отлично. Только я один понимаю, что, если он об этом сейчас не скажет, это будет его серьезный раскол.

– Ну... не помню. Кто-то из фарцы. Это было все-таки давно.

– Губченко... Вы что, считаете, что с вами говорят дураки? Вы не помните того, кто сказал вам о коллекции, тысяч сто для которой фраерская цена?

Тюля в раздумье. Он действительно растерян. О Зенове говорить он все-таки не хочет. Что ж, все это работает сейчас против него. Нужно менять роль. Менять роль... Жестко давить на него. Как можно жестче.

– Товарищ Губченко. Вполне официально прошу вас вспомнить, не знаете ли вы еще что-нибудь о крупных вещах.

Тюля никак не решается. Да, теперь я улавливаю только одно в его молчании. Он боится. Панически боится. Собственно, на кольцо ему наплевать. Он просто боится.

– Значит, вы ни о чем, кроме уже перечисленных короны Фаберже и так называемых орденов, не слышали?

Сейчас Тюля просто вызывает жалость. Он не хочет говорить.

– Губченко. Скажите честно, вы хотите, чтобы вам сейчас вернули паспорт и билет? Хотите спокойно улететь в Москву?

Тюля молчит. Этот «детский» вопрос для него унизителен.

– Так хотите или нет? Если вы мне сейчас не ответите, предупреждаю – потянете за собой хвост. За четко заведомую дачу ложных показаний. Только не вздумайте опять подсовывать липу. Скажем, что-нибудь вроде нумизматической коллекции Коробова. – В другое время эта

фраза вызвала бы у меня улыбку, но сейчас я был серьезен. Кажется, Тюля готов. Ну что, пора бить. – Поймите – мы знаем о петровском колье. Да, да, о колье Шарлотты. У нас есть несколько вариантов и кандидатур. Нам нужно только одно – услышать, на кого в свое время выходили вы. Кроме Зенова.

Подействовало. Прилично подействовало.

– Именно Зенова. Предупреждаю: может быть, и мы знаем об этом человеке.

Как не хочется ему говорить. Как не хочется.

– Ну... – Тюля выдавил это через силу. – Был такой. Веня Голуб.

– Как? Голуб?

– Да, Веня Голуб. Вениамин Голуб. Если по кличке – Герасим.

Голуб. Голуб. Кличка – Герасим. Я ничего о таком не знаю. Абсолютно ничего. Эдик, кажется, тоже не упоминал ни такого имени, ни клички.

– Откуда он?

– Из Москвы.

– Адрес его знаете?

– Нет, адреса не знаю. Знаю, что работает в институте Гипрогор. Еще – домашний телефон.

– Какой?

– Двести четырнадцать – пять четыре – одиннадцать. Двести четырнадцать – пять четыре – одиннадцать. Черт.

214—54—11. Стоп. Да ведь это же телефон из записной книжки Горбачева! Вениамин Михайлович. Вот так номер. Значит, «Вениамин Михайлович» – это Голуб. Проверим еще раз.

– Как его отчество? Этого Голуба?

– Вы знаете – отчество не помню. Кажется, не то Михайлович, не то Николаевич.

– А... сколько ему лет? Хотя бы примерно?

– Примерно мой ровесник.

Все правильно. Для Горбачева этот Голуб должен быть конечно же Вениамином Михайловичем. А для Тюли просто Веней.

– Вы знаете, где он сейчас?

– Ничего не слышал о нем еще с воли. Одно только и знаю, что раньше колье было у него.

– И все?

– И все. А что – этого мало?

Все верно. Тюля сказал много. Даже больше, чем я ожидал.

– Вы сами видели колье? Могли бы его описать?

– Колье я не видел. Слышал, что в нем сто тридцать один бриллиант.

Кажется, можно отпускать. Я протянул Тюле паспорт и билет:

– Билет вам перерегистрируют на следующий рейс. Всего доброго.

Быстро поднявшись наверх, кивнул Анту:

– Скорей! Едем в порт!

Через полчаса наша машина затормозила у входа в портовую таможенную. Начальник таможни Артур Викторович Инчутин, неторопливый, плотный, с глазками-буравчиками, кажущимися не знающему его человеку подслеповатыми, принял нас сразу, и я так же сразу достал из кармана и развернул перед ним список драгоценностей, с которыми выходили на берег пассажиры «Норденшельда».

– Артур Викторович... Вот посмотрите – здесь указано: «Колье бриллиантовое, сто тридцать один камень, восемь рядов». Тут написано: колье украшало некую Мертонс Мери Энн. Как она выглядела?

– Ну... дамочку эту помню. Помню. Красивая, видная.

Значит, женщина. Это подтверждает и Инчутин. Но ведь ни одна женщина не входила в круг подозреваемых нами людей. Потом – никаких данных о том, что эта Мертонс была раньше в Таллине или вообще в Союзе, у нас нет.

– Артур Викторович, вы человек опытный. Вопрос сложный, но... Бриллианты были настоящими или поддельными?

– Боюсь, братцы, этого никто вам не скажет. Стразы сейчас делают – пальчики оближешь. А снимать с туристов драгоценности и отправлять их на пробу не имеем права.

– И еще один вопрос. Эта Мертонс шла одна?

– Нет, с мужчиной. Его фамилия должна быть в этом же списке. На нем было золото. Да, вот она. «Кольцо золотое с печаткой – Джон Пачински».

– Он? – Я достал из кармана фотографию Пачински и положил ее перед Инчутиным.

– Он. – Начтам взгляделся. – Определенно он.

Когда, остановившись у дверей правления, мы с Антом вышли из машины, я вдруг подумал: а ведь это место пристреляно. Естественно, мы – я и Ант – знали, что охрана управления после выстрела в Горбачева наверняка усилена. Валентиныч уж как-нибудь на первое время разработал свои меры, скажем, засады в близлежащих домах или скрытые патрули. Но кто поручится, что стрелявший не найдет новую точку и не выстрелит еще раз? Подумав об этом, я встретился взглядом с Антом. По его кривой улыбке понял, что он сейчас думает о том же. Поняв мои заботы, Ант развел руками, что примерно означало: «Дружочек, от судьбы не уйдешь».

Сторожев принял нас сразу же. Все, что я ему рассказал, он выслушал как обычно – внешне бесстрастно. Но я знал, что при этом он дотошно вслушивается в каждое слово, даже в оттенок каждого слова. Я знал эту способность Валентиныча – рассматривать под самым неожиданным углом все как будто бы незначашее, что может промелькнуть в рассказе. Правда, сейчас все, что я ему говорил, имело особый подтекст, и это отлично понимали мы трое. Особый – потому что одно дело догадки, предположения и так называемый «расклад», то есть то, чем мы занимались раньше. И совсем другое – когда наконец в деле, которое ты только что начал, впервые появляется что-то конкретное. Сейчас же таких конкретных вещей появилось целых три – собственно, эти три вещи и составляли основу моего рассказа Сторожеву. К тому же мне сейчас казалось, что они особенно важны именно потому, что каждая подтверждала высказанное ранее предположение: хозяином контейнера теперь почти наверняка можно было считать Джона Пачински; есть объект, ради которого были привезены полмиллиона, и почти точно этот объект – колье Шарлотты. Об этом говорят показания трех не связанных друг с другом источников – Зенова, Тюли и списка Инчутина. Если все это подтверждается, то два факта, связанные с телефоном 214—54—11 в записной книжке Горбачева, говорят о третьем, самом важном и самом, на мой взгляд, ценном: о явно существующей связи между убийством Горбачева и прибытием контейнера.

Выслушав меня и задав несколько незначительных вопросов, Сторожев записал данные на Голуба и нажал кнопку селектора:

– Галя, срочно вне категорий – запрос Центру на Голуба Вениамина Михайловича, жителя Москвы, служащего института Гипрогор. Ответ по телексу! И тут же доложите мне. Ясно?

– Да, Сергей Валентиныч.

– Заодно попросите Уфимцева составить справку на так называемое «колье Шарлотты». Пусть с этой справкой явится сам.

– Все будет сделано, – отозвалась Галя.

Сторожев посмотрел на меня. Сейчас, конечно, я не ждал от шефа никаких поощрений, да это у нас и не было заведено. Но по взгляду Валентиныча я понял, что мысленно Сторожев,

так сказать, «с нами» и считает, что мы потрудились не зря. А этого уже было достаточно, чтобы воодушевить меня и Анта.

– Значит, говорите – точная копия колье?

– Похоже, Сергей Валентиныч, – сказал Ант. – Сто тридцать один камень и сто тридцать один. Не может же быть такого совпадения?

Сторожев неопределенно повел подбородком:

– Ладно, подождем Уфимцева, что он скажет. И вот что еще, братцы. Я, конечно, знаю, что вы у меня храбрецы, герои, ну и так далее. Но все-таки хочу еще раз предупредить. Если стрельба из винтовки с глушителем связана с контейнером... Боюсь, что могут пальнуть и в вас.

Я посмотрел на Анта. Ант ответил мне таким же проникновенным взглядом. В общем, слова без серьезного содержания – хотя Валентиныч, как старший, обязан был предупредить нас об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.